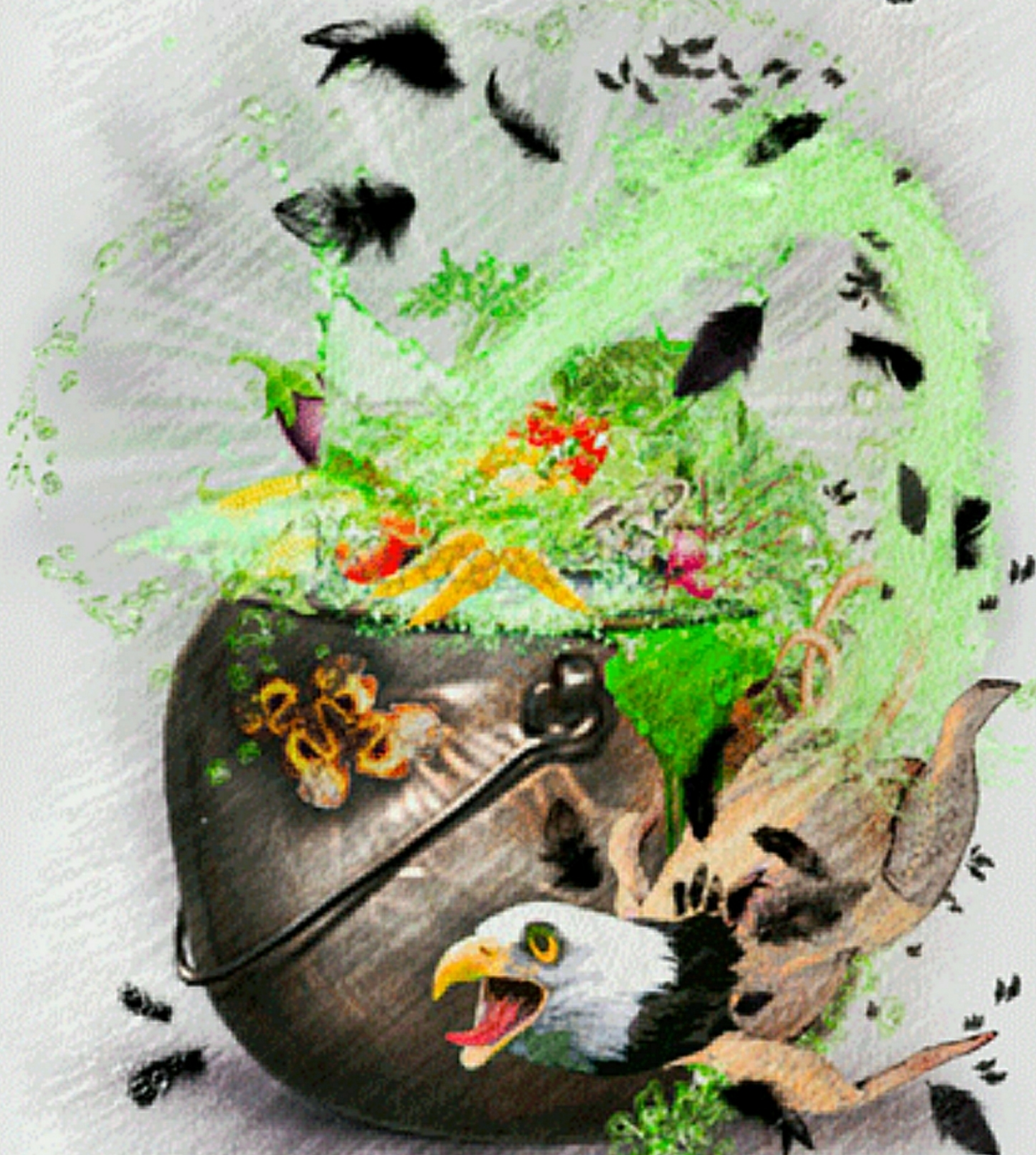

Роман Смедклоф

Тридцать один

УЧЕНИК

16+

Роман Смеклоф
Тридцать один. Часть I. Ученик

«Автор»

2018

Смеклоф Р.

Тридцать один. Часть I. Ученик / Р. Смеклоф — «Автор», 2018

Если ты живешь в мире, где колдовством завязывают шнурки и варят кофе... Если на тебе лежит заклятье, терзающее из-за голода, а еду ещё нужно поймать и приготовить по волшебной книге рецептов... Если единственный друг шпионит на врагов, первая любовь использует тебя в своих целях, а твой главный талант притягивать неприятности... Остаётся одно! Разгадай тайну источника магии, задержи наступление зла и защити тридцать миров! Ведь предназначение у всех разное. Одни становятся чародеями, а другие...

© Смеклоф Р., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Вступление	5
Глава 1. От судьбы не уйдешь	7
Глава 2. Испытание очищением	21
Глава 3. Первая охота	34
Глава 4. Невинное наказание	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Роман Смеклоф

Тридцать один. Часть I. Ученик

Вступление

Над воротами старой башни отсвечивал магический символ ордена защитников: два перекрещенных огненных меча. Её давно не ремонтировали, от ворот сохранилась одна створка, разбитая стена просела, а местами и вовсе осыпалась.

В ночные дежурства молодой защитник едва дышал от страха. Сияющий диск поднимался из-за гор, медленно надвигался на заставу и тянул за собой опоры разрушенного моста. Когда-то виадук соединял пограничные земли, но пролёты обвалились и исчезли в бездонной пропасти между мирами. Хотя единственный путь давно пропал, по слухам, поглотители магии всё ещё прорывались, особенно во время полнолуния. Он не верил рассказам, но в собственных глазах не сомневался. Громадные рога тьмой вспороли полный диск луны и загородили входную арку моста.

– Источник охраняй! – прошептал молодой защитник и трясущимися пальцами схватился за оберег.

Он даже не подумал про заученные до одури заклятья, зато сразу вспомнил о кривом клыке оборотня. Лавочник говорил, что это верная защита от чудовищ из Закрытого мира. От прикосновения к тёплым пальцам мёртвый кусок кости задрожал, как живой, и погнал волны успокаивающей энергии вверх по рукам к самому сердцу. Накачал в него столько храбрости, что молодой защитник даже решился растолкать бородатого волшебника, притулившегося прямо у стены рядом с воротами. Тот вздрогнул и, проснувшись, проворчал сквозь зубы:

– Руки чешутся, заклинка-очарывашка? – и многозначительно добавил, прочистив горло. – Завтра будешь картины на воде рисовать. Ремни из песка плести. Бурю в стакане устраивать! Я что-то забыл? Нет? Весь день с тебя не слезу, а то гляжу силёнки к ночи остаются.

– Смотри! – растеряв большую часть полученной от оберега смелости, всё же вскрикнул молодой защитник и вытянул свободную руку, указывая на перевал.

– Ась? – передразнил наигранно взволнованным голосом старший чародей. – Воинство зла надвигается?

Он щёлкнул пальцами и осветил предгорье огнём, так что искры заскакали по камням, разбрасывая меркнувшие сполохи пламени. Лениво приставил ладонь ко лбу и скупающим взглядом окинул серые скалы. Скривился и повернулся к младшему колдуну.

– Ась? Каменные големы что попрятались?

– Поглотитель, – тарашась на перевал, пробормотал молодой защитник.

– Ась... Кто? Совсем сдурел? Сказок наслушался? – разозлился бородатый волшебник и, закатив глаза, забормотал. – Архимаг меня развоплоти, за что мне это? – он сердито зыркнул на младшего. – Запомни раз и навсегда, граница закрыта! Мост разрушен! Они никогда не выберутся из того проклятого мира! – бородатый волшебник грозно наступал. – Что это у тебя? Зуб оборотня? Давай сюда! – он бесцеремонно вырвал оберег из рук младшего колдуна и щёлкнул его по носу.

– За что? – завопил тот и неловко замахал руками.

Он не успел отбить ворожбу или сплести защитное заклятье. Нос моментально опух, став лиловым. Из покрасневших глаз хлынули слёзы. Голова закружилась, а уши заложило. Но настоящему обижала не неожиданно свалившаяся простуда, а то, что прозевал детские озорные чары.

– Доложу коменданту... – срывающимся голосом вскрикнул он.

– Ябеда! – усмехнулся старший чародей. – Мчи! Я тебе ещё перегара наколдую, для достоверности.

Младший колдун шмыгнул носом и, поджав дрожащую губу, побежал прочь от ворот к казарме. По дороге он дробил замшелые валуны воздушными молотами и бормотал бесполезные проклятья.

– Чарошник, – скривился бородатый волшебник и облокотился о шершавую стену. – Кролика в колпаке не нашепчет, то колпак сгорит, то кролик облысеет. Зато как орк дремучий в обереги верит, – причитал он. – Слава мерещится. Чудища недобитые. Заклинашка-очарывашка!

Он с отвращением уставился на каменистую долину, обрывающуюся бездонной пропастью. Из неё торчали искорёженные опоры сломанного моста, а за ними светился призрачный перевал – полупрозрачный проход в земли поглотителей магии.

– Если припрётся хоть одна рогатая туша... – начал старший чародей и подбросил на ладони клык оборотня. – Хватит даже зубика!

Он размахнулся и бросил оберег. Движение вышло неловким и мышцы скрутило судорогой. Бородатый волшебник согнулся и затряс сведённой рукой. На миг потемнело в глазах. Он даже зажмурился и досчитал до десяти, а когда распрямился, не увидел разрушенный акведук. Огромная тень загородила не только луну, гигантские рога проткнули тёмные небеса, а от едва слышимого рыка трепетал помутневший воздух.

Старший чародей не успел подумать, а произвольно сложенное заклятье уже ударило во врага. Спектр от красного до фиолетового скрутился в яркий луч и с шипением вонзился во тьму, но та не рассеялась и не дрогнула.

– Магия не промахивается! – отступая в ворота, промышчал бородатый волшебник. – Так... Никогда...

У него уж лет двадцать не дрожали руки, а сейчас тряслись, как флаг гильдии Ветроуев во время бури. Внутренности перемешались, а червяк безнадежности вгрызся в сердце. В боку кольнуло и силы ушли в пятки.

Заклятья били в цель, но рассыпались, не причиняя чудищу вреда: опадали и разлетались брызги воды и языки пламени, растворялись ветряные плети и камнепады, а старший чародей терял силы и надежду.

Тень неумолимо надвигалась, пока не накрыла его.

Глава 1. От судьбы не уйдешь

Директор Черногорской академии волшебства любил кататься на коньках. Увлекался загадками и тайнами. Собирал древние рукописи по некромантии и колпаки известных колдунов. Коллекционировал необычные вкусы, всё редкое и необъяснимое, поэтому катанию на коньках посвящал лишь вечер выходных. Больше не успевал, надо было ещё и академией управлять.

В воскресенье задний двор заморозил лично декан факультета Водолюбов. Дорожка вокруг старой вишни превратилась в такой гладкий и сияющий каток, что отражались замшелые кирпичи из фасада головного корпуса, отсвечивали окна лабораторий и лекционных залов, отблёскивали ржавые фонари и даже холодные острые звезды из далёкой вышины.

Директор величаво сошёл на лёд, а мы с деканом застыли у кромки, на подхвате. Хотя по правде, лишь слушали его бесконечные жалобы и молча зверели. По крайней мере, я.

– Флип! – закатив глаза, выкрикнул декан факультета Водолюбов и выжидательно посмотрел на меня.

– Тудàs, – почесав за ухом, выговорил я заученное слово.

– Тодес!

Я с магами не спорю, пусть поправляют, им виднее. Я в фигурном катании не разумею. Да и силы лучше побережь, ещё ведь двор убирать.

– Коньки тупые, ног не сдвинуть! – посетовал директор.

– Шикарный риттбергер, – отозвался декан.

– Нет! Этакая гололедица, впору песок сыпать. Свет слепит, в дорожку не попадаю.

– Маговраль, чтоб ты навернулся, – едва слышно шепнул я.

Директор устало закричал и покачнулся, растопырив пухлые руки.

– Падай, падай, – тихонько проскандировал я, но он не упал, а только передёрнул плечами и бросил заклятье.

Коньки мгновенно выровнялись на льду и директор, согнувшись, уехал.

– Приберись здесь! – приказал декан и припустил следом. – Горячей настойки одолень-травы, господин? Чтобы колени не болели...

Я скалывал лёд всю ночь и беспрерывно бормотал под нос:

– Ууу, чародеи! Пальцем щёлк – каток сам растает, но нет, они до такого не опустятся, пусть дворник лёд долбит. Что ему ещё делать, лёдодолбу?

К утру я так устал, что присел на траву у старой вишни. По легенде она торчала посреди пустынного двора со дня основания академии. Стоило самому нерадивому студиязусу провести ночь у чудесного ствола, и он видел во сне ответы на все экзаменационные вопросы. А заглянуть в будущее не так-то просто даже для настоящего колдуна.

Солнце ещё не встало, поэтому я решил отвалиться минут на десять и прижался спиной к шершавой коре, впитывая убаюкивающее тепло. Видать старая вишня и правда, волшебная.

Над двором возвышалась тёмная громадина библиотеки. Серые, обросшие мхом и вьюном, стены напоминали курганы моей родины. Они тоже хранили древнюю мудрость и вековой покой, навевали умиротворение и глубокомысленные раздумья. Я даже не заметил, как задремал. Снилось бескрайнее синее море и величавая чёрная шхуна.

Когда я проснулся, студиязусы спешили на занятия, скользили по остаткам льда и ржали. Конечно, сил у них хоть отбавляй, вместе с воскресеньем праздник урожая растянулся на три дня. Академия пустовала и в кампусе сидели только я и старый привратник. Вот только ключей от погребов не доверили даже ему, что уж говорить обо мне. Гнусных магов не волнует аппетит дворника.

Я не ел все праздники. Голод сводил с ума, а колка льда, как известно, никому не поднимает настроения. Зачем они так со мной? С моим особым устройством – голод смертельно опасен. Причем не только для меня. Если бы не заговорённая цепь, ещё неизвестно кто бы стал лёдоколом.

– Чтоб редкие директорские амулеты обесценились. У декана после стирки на два размера колпак сел. Студиозусам на экзаменах все заклинания отшибло, – бурчал я, плетясь в свою каморку.

Одно грело мой пустой желудок – скоро наступит завтрак. Набью брюхо, успокоюсь и отдохну. Днём я не работаю из-за снующих туда-сюда академиков. Мешаются волшботворы, ни двор подмести, ни мусор выкинуть.

Я еле перебирал ногами, околдованный обжорством. Как наяву уплетал зерновую кашу, что давали по утрам в понедельник. Смаковал салат из свежих овощей, на который можно рассчитывать после праздника урожая. Тянул кофе, размечтавшись до того, что представлял будто оно со сливками. Я так увяз в фантазиях, что не сразу услышал громкий хохот, моментально уничтоживший моё персональное меню.

У вишни толпились и весело гоготали студиозусы, пока в небо не ударили разноцветные искры. Самых непонятливых деканы погнали прочь магическими оплеухами и воздушными шлепками. Орава с улюлюканьем разбежалась, и я напряженно сглотнул. Посреди двора на спине лежал директор. Сомнений не было, он поскользнулся на не сколотом мною льду.

В то хмурое и по-осеннему тоскливое утро меня выгнали с работы. Не в первый раз, если честно. Бывшие коллеги уверяли, что я неуживчивый, бестолковый и ленивый. Я не согласен с такими рекомендациями, но моё мнение ни разу не спрашивали.

Оглянувшись на длинные ряды аудиторий и общежитий, заключенных в лабиринт дорожек, я втянул носом пропитанный знаниями и колдовством воздух. Особую смесь пыли, озона и чернил – заманчивую, но грустную. Я не был счастлив в академии, но всё же буду по ней скучать. Грошик тоже не ценишь, пока не потеряешь.

Старый привратник встретил меня у высокой каменной стены, почти потерявшейся за плющом, и перегородил ворота. Створки, похожие на густую паутину из зачарованного металла, разошлись и освободили проход. Болтали, что они выдержат даже драконий огонь и попадание из стенобитной машины орков. Сам «старый паук», как его за глаза называли студиозусы, оглядел меня немигающими чёрными глазами, качая в такт сморщенной головой, и хрипло сказал:

– Кто плохо работает, ест тогда, когда говорят другие.

Я благодарно кивнул в ответ на его «величайшую мудрость», а что оставалось. Какой никакой, а всё-таки маг. Пусть большая часть его длинной жизни и прошла в воротах академии, сбрасывать со счетов скромные таланты привратника не стоило. Да, он блестяще умел лишь поджигать одежду у навязчивых зевак, да оставлять пропускные метки гостям академии, но это всё равно больше, чем умею я. Кланяясь, я протиснулся мимо.

– Мне бы хоть полгорсти волшебной силы, – пробормотал я, удаляясь от стены академии. – Я бы дворы не мёл.

– В следующий раз работай лучше! – напутствовал старый паук.

подавив желание обернуться и послать его к архимагу, я пошёл вниз по тихой улице. Сыпались к ногам розовые лепестки из развешенных на стенах цветочных горшков. Ревели, скрипящие окнами, проветривающие чары. Ворчали, выбрасывающие мусор из парадных, невидимые домовые. Переговаривались проснувшиеся маги. Их жизнь проста, легка и радостна. Немного колдовства и я бы так жил, даже ногами не шевелил. Щёлкнул бы пальцами, и бурая брусчатка понесла меня куда захочу. Но без дара, сколько ни щёлкай, только мозоли натрёшь.

Кряжистые таверны с заманчивыми пирамидами бочек у входов и грошковые харчевни с жестяными вывесками манили дурманящими запахами, но с пустыми карманами меня даже на порог не пустят.

Вздыхнув и облизнувшись, я свернул подальше от заманчивых ароматов и двинулся к порту. Если бы я не боялся плавать, нанялся бы на корабль. Стоял бы тогда, как во сне на борту чёрной шхуны и гордо смотрел вдаль. Уплыл бы в другой, более гостеприимный, мир. А так остается пойти портовым грузчиком.

– Куда прёшь, шкрябка без ручки? – гаркнул в лицо неуловимо знакомый крепыш и отжал рукой к стене.

– Дядя? – удивился и даже обрадовался я.

Мастер Оливье старый приятель отца не только знал меня с пелёнок, а даже крестил четырьмя стихиями. Характер у него конечно скверный и прижимистый, но обязанности крестного папы он выполнял ответственно – целых два раза кормил меня обедом за свой счет.

– Ну, надо же, крысёныш! Не ожидал лицезреть твою тощую рожу. Ты же в академии вкалываешь?

– Больше нет, – понуро поправил я.

Дядя цокнул языком и завернул чёрный ус. Судя по седому хвосту, торчащему из-под шляпы, усы он красил басмой, но мало кто посмел бы болтать об этом. За Оливье с незапамятных времён закрепилась дурная слава. Можно было отхватить даже за неосторожный взгляд.

– О как! Я-то сам думал заглянуть. Папашка письмо тебе передал. А вот как вышло! Это неспроста!

Дядя улыбнулся.

– Тебе прёт, заморыш. Мой подмастерье издох и место свободно. Так что пляши! Возьму тебя на корабль. Готов мне помогать?

Сначала я повеселел. Оливье почти родственник и не выгонит меня так быстро, как остальные. С другой стороны, сама работа грозит стать последней в жизни.

Я неуверенно посмотрел на дядю, и сомнения навалились с новой силой. Он буравил меня единственным глазом, словно пытаюсь прочесть мысли. Второй скрывала чёрная повязка, уходящая под шляпу. Из-под длинного зелёного камзола торчала матроска, а высоченные ботфорты блестели так, что ослепляли. Впечатление дополняла длинная кривая сабля. Ходили слухи, что Мастер Оливье промышлял пиратством и якшался с чернокнижниками.

– Чем могу помочь? – робко спросил я.

– Не ссы, работы выше ватерлинии, на всех хватит, – заверил дядя и приобнял за плечо.

Я натужно улыбнулся в ответ, пытаюсь сообразить, как вывернуться, но в голову ничего путного не лезло.

– Я плавать не умею, – робко сообщил я.

Мастер Оливье никак не откликнулся на жалкое бормотание.

– Швартайся пока здесь, – разрешил он, осматриваясь, – я в Единорог причалюсь для разгрузки.

Дядя кивнул в сторону свёртка, зажатого подмышкой, и перешёл через улицу к одному из самых дорогих ресторанов Черногорска. Под изящными колоннами, поддерживающими пёстрые арки с витражами расписанными рогатыми лошадьми, собирались исключительно чародеи. Поговаривали, что пришедшего без приглашения выкинет из сверкающих залов сторожевое заклятье. Один из студиозусов клялся, что видел, как бродячий фокусник выскочил из Единорога на куриных ногах, бранясь и кукарекая одновременно.

Я взглядом проводил Оливье до перламутровых дверей и решил – это мой шанс.

Дядя непринужденно ввалился в ресторан, и створки мягко сошлись за его широкой спиной. Я постоял, тревожно глядя на Единорог, но охранное заклятье не сработало. Пора бежать, оправдание придумаю потом.

Развернувшись, я через два шага налетел на замотанную в чёрный балахон фигуру. Тёмный колпак с серебряным полумесяцем, переходящим в золотое солнце, заставил меня отскокить. Час от часу не легче. Чёрный Эрлик – пока непревзойденный, пыточный мастер. От его цен сводит кошелёк, зато ужасающие методы развязывают любой язык. Директор академии не раз бубнил, что колпак с солнцем и полумесяцем когда-нибудь станет изюминкой его коллекции.

Вжавшись в стену, я двинулся в обратную сторону.

– Ты знаешь Мастера Оливье, блёклый? – небрежно бросил чернокнижник.

Пяťся, я кивнул. Раз десять, пятнадцать.

– Он приступил к моему заказу? – поинтересовался Эрлик.

Я не знал, что ответить, но меня опередил вернувшийся дядя.

– Пока нет, но сейчас же приступлю. Вечером жду на моём судне.

Оливье улыбнулся золотыми зубами и, обхватив меня за плечи, потащил к пристани. Проходя мимо чернокнижника, он чуть приподнял шляпу, и Эрлик благодарно кивнул в ответ, хотя голубые глаза остались ледяными.

– У меня всё есть, а ты как раз поможешь. Чёрный, мой постоянный клиент. Я его балую.

Дядя громыхнул довольным смехом, волоча меня по переулку.

– Сперва займётся грязной работой. Так повелось, не обессудь. Обмыть, кровь спустить или выпотрошить.

Представив, что творится на корабле, я слотнул. Мучительный голод вмиг отступил. Зато бежать от дяди захотелось, сверкая пятками.

Срочно придумать причину для отказа. Если ступлю на борт и хоть раз пушу кровь или выпотрошу, обратной дороги не будет. Я ещё раз слотнул. Надо же так вляпаться, что за день? Собравшийся в желудке холодный ком, подступил к горлу и мешал проталкивать вязкую слюну. Почему меня уволили сегодня? Не завтра, да что там, пусть даже вчера. Лишь бы не встречаться с дядей, а тем более Чёрным Эрликом.

– Не падай духом! – глядя на моё несчастное лицо, продолжил Мастер Оливье. – Это поначалу. Ты же не балласт какой. Кроме тебя, величайшие секреты моего искусства и передать-то некому. Девятый вал!

Оливье обрадовано хлопнул меня по плечу.

– Ты станешь моим преемником!

Я вздохнул, но дядя словно не заметил этого. Его распирало от собственных планов на наше общее счастливое будущее.

– Твой папашка бывало выручал меня или я его, не помню, память отшибло, – он радостно хохотнул. – Но мы по-любому один экипаж!

– Я...

– Хорош! Ты как юнга первогодок. Толкую про кругосветное плавание, а ты на сушу косишься. Ты же не гоблин какой! Хочешь умереть дворником?

Я снова вздохнул. Дядя скривился.

– Считаешь моё ремесло недостойным? А, крысёныш? – в его интонации прорезались сварливые нотки.

– Нет, нет, – я отчаянно замотал головой, с ужасом представляя, что вечером на корабле кровь пустят мне, но даже в такой момент не смог сдержаться. – Я смерти боюсь и всего такого.

– На мель сел, салага? Смерть окружает нас со всех сторон! Каждый миг. Смотри на свои башмаки. Из чего они, по-твоему? А?

– Из руноноса.

– О как, крысёныш, напрягись! Думаешь этот рунонос скачет по лугам и жрёт траву?

Я представил, как лохматая животиная прыгает по глубоким сугробам без шерсти и сверкает посиневшими тонкими ногами и обледеневшими копытами, и невольно мотнул головой.

– Одно дело бестолковый рунонос...

Дядя остановился.

– Ну, надо же, куда ты курс прокладываешь, – он подкрутил кончик уса. – Да! Бывают особые выверты и разные клиенты, но выбор то за тобой.

Он повернулся и пошёл к пристани. Мачты кораблей уже торчали из-за невысоких припортовых домов, в основном ночлежек и рюмочных.

– Идём, – строго сказал Оливье через плечо, но я остался стоять. – Мой корабль у третьего причала, – бросил он, не оборачиваясь, и прибавил шаг.

Я облегченно вздохнул. Не хотелось обижать дядю, но мучить должников, грабить купцов и лиходейничать, тоже не дело. Не наскрести мне смелости для скользкого пути разбоя. Вот только как по-честному раздобыть денег? В фонтане мелочь собирать? Страх уже рассеялся, и голод набросился с новой силой. Ещё чуть-чуть и я всюю покажу свой скверный характер. Чем дольше не ем, тем неприятней во всех отношениях становлюсь.

Обходя сверкающие струи фонтана, обвивающие скульптуру императора Эраста Победителя, огромного бородатого чародея в короне, я с надеждой впился в дно. Ни гроша! Вздохнув, я остановился у витрины магазина диковинок, рассматривая своё отражение. Тощий – полупрозрачный. Серая хламида на десять размеров болтается, как на чучеле. Рукава всё время подворачиваю, штанины тоже. Я какой угодно, только не опасный.

Я вздохнул. Растрёпанные волосы, небольшие чёрные глаза и здоровенный нос. Длинные руки висели бы до колен, если бы не столь же длинные ноги. Окружающим грозит единственная опасность – умереть со смеху. Но моя зверская сущность может многое изменить!

Я пошёл дальше, всматриваясь в доски объявлений. Светящиеся надписи привлекали внимание официантов, поваров и посудомойщиков. Я забрёл в квартал дорогих гостиниц и ресторанов. Только меня на такую работу ни в жизнь не возьмут. Тут ценят особые знания.

Я подступил к одной из досок:

Ресторан «Мрачный колдун» приглашает на работу мойщика посуды. Основы магии земли. Чары воды на уровне призыва. Членство в гильдии обязательно. Оплата сдельная. Рассмотрим любые расы.

Почти чёрный фасад с узкими башенками, уродливыми каменными драконами и кровавыми огнями в окнах полностью подтверждал название.

Соседнее заведение пусть и не внушало преждевременных опасений, смотрелось не менее вызывающе. Старый особняк с мраморной лестницей и мертвенно бледными статуями окружали бардовые обелиски. Вместо доски когтистая лапа с мерцающими буквами:

Таверна «Приют Усталого Чернокнижника» открывает вакансию официанта. Основы магии земли и огня. Воздух на уровне левитации. Желательно членство в гильдии. Оклад плюс чаевые. Кроме гоблинов!

Найти хорошую работу без магии – та ещё задача.

Над доской появилась собачья морда. Защитное заклятие, не иначе. Гавкнув несколько раз для приличия, собака задрала заднюю лапу. Я поспешно рванул прочь. Что поделаешь, не любят владельцы ресторанов, когда у их досок без дела толкуются блёклые. Так колдуны называют не обладающих магией, говорят, наша аура бесцветная. Самый паршивый волшебник враз отучил бы чудотворную собаку задирающую на себя лапу. С разноцветной аурой всё по-другому. Ты как радуга – сияешь, и на тебя смотрят с восторгом и уважением.

Втянув голову в плечи, и затравленно оглядываясь, я побрёл дальше по улице. Дорого блестели колонны, сияли порталы, нежно трепетали шёлковые шатры. Через пару часов это перестанет иметь значение. Меня начнёт кривить и корёжить. Я превращусь в такое чудище, что не возьмут даже грузчиком в порту, ведь моя раса не пользуется любовью у прочих обитателей тридцати миров.

Я долго кружил между досок, стараясь не пялиться на роскошные заведения и дышать ртом, чтобы не озвереть от запахов, но, как не пыжился, ничего подходящего не нашел. Кому нужны блёклые, если самый захудалый чародей сделает всё тоже самое, только быстрее и лучше.

Через час выскобленный центр города скрылся за спиной и меня окружили трущобы, а вместе с ними мысли о том, что здесь работу точно не найти. Доски объявлений в дорогих рамках исчезли. Волшебную брусчатку заменила грязная вонючая жижа, а место высоких ярких домов заняли низкие, скособоченные лачуги с забитыми окнами. Навязчивое чувство голода мешало здраво рассуждать, и я чаще вспоминал о дядином предложении. Верно такая у меня судьба? Ноги сами повернули к пристани.

– Эй, залётный!

Я оглянулся. В тени старого облупленного дома притаился типичный фарцовщик. На меня уставилось хитрое желтушное лицо со щербатыми зубами, оголёнными в нахальной улыбке. Фигуру скрывал длинный плащ, а здоровенная шляпа, надвинутая на глаза, не позволяла его толком рассмотреть.

– Чего жалом водишь? Потерял кого?

– Работу.

Фарцовщик хрипло засмеялся.

– Шуткуешь или орка строишь? Легче найти щедрого мага, чем левак в трущобах Черногорска!

Я хотел оскорбиться, в тридцати мирах нет существа тупее орка, но вместо этого лишь недовольно повторил.

– Работа нужна.

Он приподнял шляпу и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Похавать хочешь? – с издевкой уточнил фарцовщик.

Я невольно облизнулся, иногда трудно держать инстинкты в узде.

– Для такого гонца подработка същется, – продолжил он, доставая из-под плаща маленькую квадратную коробочку. – Оттаранишь вещицу в порт и вручишь капитану Джо у четвертого причала. Он ссудит тебе грошик. Чего вылупился? Бери и беги.

– Сам чего не несешь? – грубо спросил я.

– Из шкуры не лезь! – спокойно ответил фарцовщик. – Мне в порт соваться не фасон, стража мою рожу давно списала. Просекут, шманать кинутся, а я с товаром.

– В коробке что? – все ещё резко, но уже с нотками беспокойства, спросил я.

– Тебе дёргаться не резон, – парировал он. – Таковую вещицу не впаришь, без мазы. А если всё-таки рискнешь или, не приведи источник, посеешь...

Фарцовщик нахально улыбнулся.

– Джо тебя прикончит, не свалишь, зуб даю.

– Да? – прорычал я, надвигаясь на него. – У тебя зубов перебор?

Моя спина уже раздалась, но плечи ещё росли. Я почти чувствовал, как в моём теле, по заверению декана факультета перевоплощений: «делятся клетки и увеличивается число целлюлярных ядер в мышцах».

– Хоть неделю ничего не жри, – спокойно сообщил фарцовщик. – Капитан Джо по любому тебя грохнет. Он из круга чернокнижников, а коробочка крепко зачарована.

Я отступил. С чародеями мне не тягаться. Тридцатью мирами правит магия. Это мир колдунов, и таким как я, ловить нечего.

Стараясь не обращать внимания на наглую рожу фарцовщика, я решил сбежать. Повернулся, почти ушёл, засомневался только на одно мгновение, но его хватило для отчаянной схватки между голодом и самолюбием. Через секунду голод праздновал победу, а поколоченное самолюбие уползло на дно моей измученной души.

Схватив коробку, я повернулся к пристани.

– Поторопись! – крикнул вслед фарцовщик.

Пройдя два переулка, я прибавил шагу. Проклятая коробка жгла руку и, словно живая, тянула вперед. Ненавижу магию, но она преследует меня всю жизнь.

С каждой минутой ноша тяжелела, и я почти бежал. Туловище страшно увеличилось, плечи раздуло до неприличной ширины. За спиной спряталась бы парочка щуплых колдунишек, а ноги заплетались, ещё оставаясь длинными и худыми.

Редкие прохожие безглаголиво отворачивались.

– Урод!

– Скачет средь бела дня!

Мимо пролетел гнилой помидор.

– Фуу!

Я нёсся, не разбирая дороги, и вздохнул свободно, только когда трущобы выпустили меня из узких душных коридоров. Жаль, что ненадолго. Ступни раздалились и разбухли, как лапы багамута. Сам их никогда не видел, но говорят, что у них самые-присамые огромные ноги. Они и сами, как лысые шершавые горы, с большими ушами, бивнями и длинным хоботом. Икры вспухли, колени разнесло. Скоро придет черёд когтей и зубов. Тогда и наступит самая жуть!

Раньше нас в города не пускали. Вот когда мы поглотителям магии во время мировой войны наваяли, тогда колдуны передумали. Даже подкармливали, пока Эраст Победитель не почил. Тогда маги резко забыли, что оборотни – герои, нас заковали в ошейники и сослали в резервации.

Я коснулся шеи. Тонкая на вид цепочка из грубого чёрного металла придушит меня, как только отрастут клыки. Ошейник вопьется в горло, мешая превращению в оборотня. Будет терзать, давить, мучить, лишь бы я не стал чудовищем. Ещё до академии проклятая цепь один раз чуть не прикончила меня. Я заскулил.

– Не хочу!

Я не заметил, как выскочил на набережную. Ноги уже сравнялись со спиной и превращение почти завершилось. Я подпрыгнул на месте, заглядывая за невысокую стену из гладких чешуек, перегораживающую проход на причал. У портовых ворот, похожих на раковину гигантского моллюска, украшенную резными башенками, дежурили двое дюжих стражников в форме гильдии Водолюбов, голубых накидках со знаком перевернутой капли на груди. Они громко поносили прохожих и покатывались со смеху.

– Во, глядь, каки упырь! – ревел один из них, тыкая пальцем в вампира.

Тот прикрывался зонтом от жалящего солнца и, устало пытаясь тащить за собой огромный сундук с тремя навесными замками. На раскрасневшемся лице беспокойно бегали крошечные точки суженных глаз.

– Впервые зрю красного упыря, – надрылся стражник.

– Да он обожрался и стыдится, – подхватил другой.

Вампир семенил ногами, затаскивая сундук в тень припортовой гостиницы, длинного деревянного барака с позеленевшими от морского ветра стенами. Обидные замечания стражников он стойко не замечал.

Я побежал к воротам, сдерживая дрожь. Огромная раковина с заостренными скрученными отростками, тёмными наростами и ребристыми краями прохода блестела влажной рыжиной, смахивая на жуткую пасть левиафана. Внутри свистел звонкий ветер и чувствовалась застывшая, но готовая к броску погильбель, словно уловив что-нибудь запрещенное, створки захлопнутся и расплющат входящего.

Надо успокоиться! Пройти в порт легче, чем выйти. Входящих не досматривают и особо не прощупывают заклятьями, ведь с них не берут податей, а то, что не прибыльно, магов не занимает. Зато от стражников точно достанется. Самое главное – молчать и терпеть.

Подкравшись, я попробовал проскочить незамеченным, но, увы.

– Нынче праздник уродов! Так и прут друг за другом.

– Глянь, каки важный! – подхватил второй.

– Чё так надулся? – взвизгнул первый. – Наиглавнейший оборотень, что ль?

Надрываясь над остротой, он согнулся пополам.

– Куда собрался, набухший? – усмехнулся первый.

Я испугался. Скажу к капитану Джо, спросят зачем. Что я отвечу? Нельзя говорить про капитана Джо, фарцовщик надежный товар сам бы передал. Я сильнее сжал кулак. Хорошо ещё, что в выросшей ладони коробочку не видно.

– К дяде, – сдавленным голосом прошипел я.

– Трындишь! Твоих родственничков в порту нет!

Второй снова заржал.

– Чё за дядя, пухлый?

– Мастер Оливье!

Второй поперхнулся смехом.

– А не брешешь? – зло прокаркал он.

Я помотал головой, ошейник мешал говорить.

– Смотри, упитанный, проверим, – сказал первый.

Я шагнул в ворота. С потолка свисали шевелящиеся от сквозняка водоросли. Они шуршали и хрустели давно высохшими стеблями, сбрасывая вниз сверкающих длинными хвостами прозрачных медуз. Сторожевые заклятья роились вокруг моей головы, приноживались и тонко пищали. Оглушающе грохотало эхо. Я трясся, ожидая, что медузы почуют коробочку, облепят меня со всех сторон и уволочут в недра раковины, где навсегда пропадают невезучие контрабандисты. Колени подгибались от страха, но то, что превращение скоро закончится и за дело возьмётся ошейник, пугало ещё сильнее. Я засеменял ногами и выскочил с другой стороны ворот. Сторожевые заклятья свистнули последний раз и втянулись обратно под потолок. Пронесло!

Я посмотрел на причальные столбы. Пятидесятый. Проклятье, надо бежать в самое начало. Припустив вперёд, я несколько мгновений слышал оскорбительные замечания о своём раздувшемся теле, но вскоре стихли и они – стражники нашли новую жертву.

Корабли мелькали перед глазами. Гигантские многопалубные линкоры заслоняли море неповоротливыми телами и небеса размашистыми крыльями парусов. К ним жались ошестившиеся оружием фрегаты и бриги, а дальше, будто состоятельные купцы за надежной охраной притаились торговые галеоны, барки и кэчи. На отшибе ютились жалкие рыбацкие посудины с ближних берегов. На мачтах богатых кораблей висели огромные воздушные кристаллы, на маленьких бедных суденышках водяные береги.

Десятый, восьмой. Ещё немного. Четвёртый. Я прочистил горло.

Передо мной во всем великолепии качалась на волнах новенькая каравелла. На корме в лучах заходящего солнца блестел воздушный кристалл размером с мою голову. С таким доплывешь до любого из тридцати миров.

У спущенного трапа скучал пожилой боцман, раскуривал горбатую трубку и с лёгким интересом косился на меня.

– Капитан Джо? – прохрипел я.

– Ушёл.

Я не смог спросить, только мотнул головой, мол, куда.

– Поглотитель его разберёт, – в сердцах бросил боцман. – Второй день по кабакам шляется.

Я замер.

– Завтра подплывай, перекидывай. Сегодня, коли вернётся, всё одно на карачках приползет.

– Ему передайте?

Я протянул ладонь, но боцман отскочил, чуть не свалив составленные пирамидой бочки.

– Не! – протянул он. – Передать не могу! У нас с этим строго. Завтра приходи!

Он резво забежал по трапу, но все ещё мотал головой, обеспокоенно оглядываясь.

Я разочарованно кивнул. Только этого не хватало. Жизнь моя везучая!

Я с тоской посмотрел на третий причал. Чёрная шхуна блестела агатовыми боками. В нетерпении дыбились тёмные косые паруса. Тонкой нитью сверкало опоясывающее борт золотое плетение. Вместо ростральной фигуры под бушпритом сиял начищенный до блеска медный половник. Я сглотнул. Значит, судьба! Как ни крути, придётся идти к дяде на поклон.

Мастер Оливье дежурил у схода, кого-то дожидаясь. Заметив меня, он приветственно махнул рукой.

– Я ждал тебя, крысё... Левиафана мне под корму, скорей сюда.

Он схватил меня за руку, втянул на трап и потащил по палубе. Под капитанским мостиком, между лестницами выделялись две двери. Слева истёртая из потемневшей от времени древесины с небрежно нарисованной поварёшкой, справа лакированная с железными клепаными полосами.

– Забыл упомянуть, что оголодал? – рычал он, затягивая меня на камбуз.

На очаге стояла огромная кастрюля, над которой поднимался пар и распространялся дивный аромат.

Мастер Оливье схватил вилку с двумя зубцами и, подцепив кусок дымящегося мяса, протянул мне.

– Наслаждайся! Если, чего понадобится, не робей, бери. Налопаетесь, зайдешь. Поговорим.

Он укоризненно покачал головой и вышел.

Я накинулся на мясо, проталкивая кусок побольше и поглубже. Пережатое горло давилось, но я не отчаивался, чтобы освободить пальцы бросил коробочку капитана Джо на стол и ухватился за мясо двумя руками. Так получалось быстрее. Пропихнув первый кусок, я почувствовал, как сходит напряжение, кожу перестало стягивать, а ошейник уже не так сильно давил на шею. Тогда я набросился на мясо словно не ел тысячу лет. Под руки подвернулись листья салата и всё, что лежало на столе: помидоры, огурцы, картофель, вроде даже варёный, хлеб, почти неплесневелый.

Сперва я ещё соображал, что именно ем, но вскоре сбился. Вроде бы в горло проскочили маслины, яблоки и грибы, а может быть оливки, сливы и мясо василиска. Хотя чесночный и сметанный соус запали в память, а ещё сухарики, архимагов колпак, кто их готовил? Настоящий шедевр, а не мелко порезанный засохший хлеб.

Я торчал на кухне около часа. До тех пор, пока плечи не стали чуть шире головы. Тогда жор утих сам собой и я, погладив вздувшийся живот, вышел на палубу.

За моей спиной возвышался капитанский мостик. Под ним скрывались камбуз и каюты. Напротив трапа гордо поднималась мачта, удерживающая раздутые от ветра паруса. За ней вторая. Между ними загадочно чернела крышка трюма. Интересно, сколько матросов нужно, чтобы управлять шхуной? Я огляделся. Корабль был подозрительно пуст, только на носу за накрытым столом сидели мастер Оливье и Чёрный Эрлик. Судно же плыло само по себе. Берег уже пропал в сизой дымке и, насколько хватало глаз, во все стороны разлилось бескрайнее море.

– Малыш! – крикнул дядя и махнул рукой.

Надо же, при посторонних я малыш, что, конечно, приятней заморыша и крысёныша.

Без особого воодушевления, я приблизился. Эрлик цедил что-то белое из дорогого, даже на мой взгляд, бокала и, прищурившись, смотрел сквозь меня. Без шляпы его голова походила на яйцо, такое же овальное, ровное, гладкое и начисто лишенное волос.

Стараясь не пялиться на чернокнижника, я впился глазами в стол. Тарелки с остатками пищи, ножи, вилки и закрытое крышкой блюдо размером с поросенка. Рядом пузатый кувшин и корзинка с хлебом, прикрытая расписным полотенцем.

– Мой крестник, – благодушно представил мастер Оливье. – Дарю ему секреты своего мастерства и, со временем, передам своих любимых клиентов.

Чернокнижник улыбнулся и кивнул.

– Я стар, как мировой океан, – с напускной печалью продолжил дядя. – Выполнять ваши изощренные фантазии с каждым годом всё тяжелее.

– Никто не молодеет, – подтвердил Эрлик.

Дядя хохотнул в ответ, словно над утонченной шуткой.

– Ты похож на оборотня, – справился чернокнижник, бегло взглянув на ошейник.

Никогда не понимал, зачем спрашивать очевидное, но некоторые очень любят задавать подобные вопросы.

– Да, господин.

– Странный выбор, Оливье. Ты знаешь, что там, – он поднял палец вверх, – не любят оборотней.

– Он безобидный, как морской огурец, – ответил дядя.

– Тебе, конечно, виднее, – задумчиво зажмурился Эрлик, – но свет не жалует неосвященных источником магии.

– Блёклые их не устраивают, – проворчал Оливье. – Зато они любят хорошо пожрать и экзотику!

– Он экзотика? – скривив лицо, не то в подобии улыбки, не то от отвращения, уточнил Чёрный Эрлик.

– Ещё какая, – дядя прямо-таки расцвел. – Ещё лет десять и такие совсем пропадут.

– Ты хорошо осведомлен! – чернокнижник погрозил пальцем. – Через десять лет могут исчезнуть и другие блёклые. Ты же знаешь, тем, кто не озарен источником в тридцати мирах не место.

– Откуда мне знать? – деланно удивился Оливье. – Я сам почти блёклый.

Чернокнижник покачал головой и лениво поднялся, надел чёрную шляпу и ещё раз улыбнулся.

– Благодарю, Оливье. Ты знаешь, что, как всегда бесподобен. Жаль слышать, что хочешь покинуть нас и уйти на покой. Хотя, я слушаю эту прощальную песню много лет подряд! К сожалению, а может к счастью, твоим преемникам не везёт, так, как тебе.

Продолжая улыбаться, он поклонился и исчез. Только что стоял на палубе – и пропал. Маги!

– Садись, – приказал дядя.

Сомневаясь, согласиться или попытать счастье и прыгнуть за борт, я присел.

– Видел? – гордо поинтересовался он.

– Я в академии ещё и не такое видел.

Оливье скривился.

– Кто научил тебя кусать руку, которая кормит? А?

Он вскочил.

– Я дарю тебе вымирающее искусство. Половину секретов не знает никто во всех тридцати мирах. Слышишь, крысёныш, никто, кроме меня, а ты кривляешься, будто зовут выгребные ямы за аспидами чистить!

– Но я не готов резать, потрошить...

– Так вот, значит, что! – заорал мастер Оливье. – Замараться боишься? Да! Жрать-то ты не боишься! Горло не першит?

Он навис надо мной, тыкая пальцем в ошейник, и, не в силах успокоиться, орал, брызгая слюной.

– Челюсти не сводит? Хавать-то нормально – готов, а потрошить, снимать шкуру он не может.

Дядя схватил блюдо со стола и, сорвав крышку, сунул мне в лицо.

– Знаешь, что это? Сколько стоит? Думаешь, глубоководного томпондрано легко поймать и приготовить? Я неделю плавал с серебряным кольцом и топором под носом шхуны, а потом...

Дядя перевёл дыхание, а я успел рассмотреть гада с продольными полосами белого и зеленого цвета. Он кольцами обвил ярко-синий фрукт, заняв всё блюдо. Лишь четвертая часть оставалась пустой, видимо, съеденная за ужином.

– Что это? – с омерзением спросил я.

– Страж лилового сердца! – с гордостью выкрикнул дядя. – Кроме меня и одного паршивого старого гоблина в Таньшане никто не знает рецепт. Этот беззубый хрыч ненавидит чернокнижников, чуешь? А Черный Эрлик обожает Стража лилового сердца, крысёныш! Я дарю тебе власть над желудками самой могущественной публики тридцати миров! А он не готов!

Долбанув блюдом об стол, мастер Оливье отошел к фальшборту и плюнул в море.

Мне стало стыдно. Я хотел сказать, что он неправильно понял, я думал совсем про другое: про пытки, кровавые ритуалы и всякую мерзость, кулинарные блюда на ум как-то не приходили.

– Слышал, как ловят песчаного драконового тигра? – устало спросил дядя и сам ответил. – На живца. Он люто ненавидит оборотней. Естественные враги, так сказать. А слышал, как ценится кровавая колбаса из отмоченного мяса драконового тигра? Только два клана охотников в Вишнустане умеют правильно готовить Шерханскую колбасу.

Что-то мне не понравился его вопрос. В особенности мягкий, вкрадчивый тон и нарочитая любезность с которой он рассказывал, как приманивают драконового тигра на моих соплеменников.

– Я думал, ты вместе с Эрликом пытками занимаешься! Пиратством и вымогательствами! Я и представить не мог, что ты повар!

– Повар? – дядя посмотрел на меня так, словно впервые видел.

Я заслонил лицо руками, пытаюсь защититься от его яростного взгляда. Слово что ли неправильно выговорил или что-то напутал. Что теперь за борт кидать?

– Повар каши варит в трущобной рыгаловке, – холодно выговорил он.

Я осмотрелся. Точно, мы же на корабле, какой я бестолковый.

– Кок! – обрадовался я.

– Кок макароны с тушенкой мешает! – заорал он. – А я готовлю счастье. От моих блюд любой гурман получает столько удовольствия, сколько может вынести!

Я зачем-то кивнул. Дядя в ответ сверкнул глазами.

– Я виртуоз! Художник! Я маэстро!

Я кивнул ещё три раза. Чем вызвал новую волну гнева.

– Сходи с корабля прямо сейчас. Мы недалеко отплыли, я даже брошу спасательный круг.

Я отчаянно замотал головой.

– Я хочу быть вашим учеником, маэстро! – поклонившись, пообещал я.

Я плохо плавал и вообще недолюбливал глубокие водоёмы.

Дядя замер на начале фразы с поднятой в угрожающем жесте рукой.

– Что-то ты стал таким вежливым? Поумнел?

– Да, учитель, – не поднимая глаз, сказал я.

После сытного обеда, забывая про ошейник и мучительные превращения, я и вправду становлюсь очень мудрым.

– Хорошо, ученик, – уже спокойнее процедил дядя.

Тем вечером я впервые попробовал стража пурпурного сердца. Точнее, первый раз ел блюдо сложнее каши и яичницы. Кулинарные изыски я, конечно, видел, когда их несли на стол директору академии или через витрины ресторанов, но чтобы самому отведать... Такого ещё не случалось. Я ожидал чего угодно, но только не разочарования. Сперва страж напомнил обычное мясо, только солёное и горькое, но чем дольше я жевал жесткие, тянучие волокна, тем сильнее менялось моё мнение. Остывшая, засохшая овсяная каша с варёным кабачком. Один в один. Я с трудом работал челюстями, подавляя желание выплюнуть стража обратно в блюдо, поближе к его сердцу.

Лицо дяди растянулось в довольной усмешке.

– Мерзость, не правда ли? – ухмыляясь, спросил он.

– За эту дрянь Эрлик сумасшедшие деньги выкладывает? – с трудом выговорил я.

– Пятьдесят полновесных золотых империков, – гордо произнёс Оливье.

– Сколько? – выкрикнул я.

Изо рта полетели пережеванные куски мяса, но я не сдержался. Пятьдесят золотых монет – целое состояние. Я бы прожил на них год, а может и дольше.

– Жуткая гадость! – сознался я.

– Словно старые снасти сосешь, – согласился дядя. – Оттого стража не трескают без сердца. В изысканных блюдах важны не ингредиенты, а способ приготовления и ритуал поглощения. Стража лопают так: режут кусок мяса, жуют и подкладывают дольку синего плода.

Не хотелось второй раз попробовать горькую дрянь, но встретив тяжелый взгляд Оливье, я подчинился. Глубоководный томпондрано, как был мерзостью, так и остался. Я жевал, стараясь не сильно морщиться.

– Плод! – напомнил дядя.

Я отрезал часть сердца, положил в рот и раздавил зубами так, что брызнул сок. Как только плод смешался с мясом, засохшая каша превратилась во что-то неопишное. С моим кулинарным опытом сравнения не подобрать.

– Ну как? – покровительственно проговорил Оливье.

– Необыкновенно! – восхищенно простонал я.

– То-то же, – смягчился дядя. – Я научу, как приготовить стража пурпурного сердца. Раскрою все свои тайны. Я стар, как мировой океан. Меня пора менять за штурвалом, но оставлять пост, не подготовив преемника непозволительно.

– Пост?

– В избранных кругах меня величают хранителем вкуса, – он криво усмехнулся.

– Директор академии говорил, что обязательно тебя найдет и жемчужиной своей коллекции сделает.

– Слышал краем уха, – с гордостью проговорил мастер Оливье. – Только старый чаровод не знает, что я это я, и никогда не выяснит и где я плаваю, так что забудь.

Звучало не очень убедительно, но я на всякий случай кивнул.

– Да, учитель.

Дядя откинулся на стуле.

– Малыш, если через подзорную трубу поглядеть, не такой уж ты орк, как вблизи кажешься. Может, тебе просто не везло в жизни?

Я попробовал отодвинуть блюдо подальше, но ошеломляющий вкус стража не позволял сосредоточиться ни на чём другом. Руки не повиновались, разрезая мясо с плодом на куски, и пихая в рот.

Дядя наслаждался происходящим.

– У стража пурпурного сердца есть особенность. Его можно есть бесконечно, пока не разорвешься от обжорства или, сожрав блюдо целиком, не помрешь от голода.

– Но Эрлик... – начал я с набитым ртом.

– Есть секрет, и чёрный его знает, – довольно ошерился Оливье. – Хочешь тоже узнать? Майнай за борт! Проплывешь три круга вокруг шхуны, скажу. Чего вытаращился, как рыба-телескоп? Сдрейфил? Ладно, запоминай пока я добрый. Чтобы убрать побочный эффект стража, выпей молока.

– Обычного? – причмокивая, удивился я.

– Клубничного, – передразнил дядя. – Видал, как бурёнки клубникой объедаются. То-то же, – добавил он, протягивая пузатый кувшин.

Я жадно присосался, и молоко потекло по подбородку.

– Какой ты всё-таки трусливый. Напугался, что станешь первым оборотнем, умершим от обжорства? – осклабился мастер Оливье.

Допив, я поставил кувшин на стол и повторил позу дяди, откинувшись на спинку стула. Тяжесть в животе быстро проходила. У меня необыкновенный метаболизм.

Дядя, ухмыляясь, покрутил ус.

– Перед сном хочу рассказать тебе поучительную историю.

Я улыбнулся в ответ.

– Да, учитель.

Оливье наклонился, оперся локтями о стол и посмотрел вдаль. Тёмное небо слилось с чёрным морем, а звезды отражались в воде, стирая границу между стихиями.

– То, что готовишь – лови сам. Моё золотое правило! Заруби на носу и придержишься до конца жизни! От способа ловли дичи зависит будущий вкус блюда, – он причмокнул губами. – Одному охотиться трудно, вот я и беру помощников. Последнего подмастерья нашёл на одном из островов южного архипелага. Аборигены хотели его сожрать, но я выкупил. Надо признать, переплатил, столь редкостная бестолочь в ученики не годилась.

Дядя отпил молока из того же кувшина, что и я, и продолжил.

– Не люблю стража, чересчур насыщенный вкус, – сообщил он и вернулся к рассказу. – Этот гадёныш оказался лунатиком, поэтому его и хотели сожрать, но дело даже не в этом, нам потребовался молодой красный дракон. Один из моих давних клиентов заказал Переперченную гору – мясной торт из драконьего мяса. Мы приплыли к островам. Я исходил весь архипелаг с запада на восток и прекрасно ориентируюсь, где какие твари обитают, знаю все их гнёзда, лежбища, кладбища.

– Полезные знания, – тихо пробормотал я.

– За огнедышащим гадом отправились на север. Всё шло хорошо. С ними особых проблем не бывает, слишком тупые и жадные. Мы привязали руконоса к дереву, полили всё вокруг свежей кровью и притаились. Через полчаса приполз дракон. Вцепился в руконоса, а я вынул самострел, прицелился и прикончил тварь.

– Дракона? Стрелкой? – хмыкнул я.

– Чтоб мне гальюн усами вытирать! То ж необычный самострел. Его смастерил для меня старый Дагар. О таком-то хоть слышал?

Ещё бы, о гномьем мастере знали повсюду. Он делал оружие ещё во времена мировой войны. Самонаводящиеся топоры, копья и самострелы с вечным запасом стрел по сей день самое грозное оружие тридцати миров. Кроме магии, конечно.

– Мой старый клиент из гильдии иллюзий зачаровал его. При обычном размере самострел выбрасывает болт, который быстро увеличивается и прилетает к цели уже размером со снаряд баллисты.

Мастер Оливье улыбнулся, а я лишь тарачил глаза, представляя заколдованное оружие.

– Ещё увидишь, у меня куча диковинок. Но руль на ветер! Я тысячу раз говорил этому заморышу, чтобы подготовился. Перед драконьим архипелагом наказал выучить наизусть главу из моей книги рецептов, ту, что о красных драконах, но этот орк моё распоряжение не выполнил.

Дядя расстроено вздохнул.

– Когда я пристрелил дракона, он взял пилу и пошел его пилить. Для переперчённой горы нужна вырезка. Я отвлекся буквально на минуту, а эта безграмотная скотина начала с шеи. Представляешь? Он прорвал чешуйчатую шкуру и вырвалось пламя. Даже ветки на дереве обгорели. Меня чуть не оглушило от рёва огня. Дым, жар, – он всплеснул руками, – а вонь! В общем, испекло ученичка, даже следа не осталось.

Дядя поднял палец и помахал перед моим носом.

– Ученье – жизнь! Невежество – жалкая смерть! Я долго ищу пригодного ученика. До сих пор не пёрло. Может, подфартит уже – может, нет, – он вздохнул. – Первый урок окончен. Вали!

Я обалдело кивнул.

Спать пришлось на корме. За лакированной клёпаной дверью проходил короткий коридор. Мне перепала крошечная комнатка напротив дядиных апартаментов. Очень напоминающая, без мебели и прочих излишеств. Крошечный иллюминатор, в углу жестяное ведро и три швабры с тряпками. Вместо кровати – не рваный, но вонючий гамак. Подозреваю, что предыдущий подмастерье вдобавок к лунатизму страдал энурезом.

Глава 2. Испытание очищением

Спал я плохо. Всегда ворочаюсь на новом месте. Особенно, когда воняет, жарко, а за перегородкой громко и разнообразно храпит дорогой дядюшка.

Измотанный ночными испытаниями, я вышел на палубу и облокотился о борт. В голове ещё крутились отрывки кошмара: за мной гонялся дракон, прыгал по заледеневшему двору академии и плевался огнем, а вокруг стояли студюзусы и деканы с директором, смеялись и кричали:

– Не учил! Невежда! Бездарь!

Я скривился:

– Какая чушь!

Пытаясь забыть бредовый сон, я стоял и дышал солёным воздухом, наслаждаясь тишиной и покоем, а потом проснулся дядя и принялся орать:

– Есть заказ! Будем готовить троллево колено! Плыдем в Тролляндию. Дорога займёт три дня. За это время выучи главу о троллях. Моя книга рецептов на камбузе. Ну чего стоишь, бегом! У тебя всего три дня!

Без шляпы он походил на старую, сморщенную горгону. Редкие пучки покрашенных волос развевались на лысом черепе, как высохшие змеи. Единственный, да еще заплывший злобой красный глаз угрожающе смотрел на меня.

Оторвавшись от борта, я побрёл на кухню. Читать я, конечно, умею, не зря же в академии дворы мёл, но не люблю. Это же скукотища! Пыльные хрустящие страницы, липнущие к пальцам, тяжелый запах свинца, головокружение и головная боль – никогда меня не прельщали.

Вздыхнув, я открыл дверь, но на корабельную кухню так и не вошёл. В крошечном камбузе попросту не осталось свободного места из-за пяти здоровенных обезьян. Ростом они едва доходили до моего плеча, но за счёт сложенных за спиной чёрных крыльев выглядели больше. Я слышал о них, но и представить не мог, что поутру встречу их на кухне.

– Чего вылупился, кличка есть, или крысёнышем звать? – небрежно спросила одна из обезьян в треуголке и со свистком на шее. – Я боцман, Чича, – представилась она, обгрызая ножку василиска. – Ты не многословный, это радует. Предыдущие ученики, много болтали. Это бесило. Словно дети малые, «бу-бу-бу, да бу-бу-бу», а на посудине дел по горло.

Боцман бросил кость в корзину и двинулся на меня.

– Свали в сторону, всю дверь перегородил, – лениво процедил он, сдвигая меня плечом.

За Чичей потянулись матросы. Гордо задрав мохнатые подбородки, они прошли мимо меня на палубу, а последний, прыснув от смеха, вручил банан.

– По местам! – крикнул боцман. – Капитан сегодня не в духу, не будем громко булькать, чтоб не закипел!

Закрыв дверь изнутри, я прислонился к ней спиной. По-моему, проклятый ошейник всё же задушил меня, и я скончался. Летающие обезьяны, безумные кулинары, исчезающие чернокнижники, вонючий гамак и кругом на сотни миль одна вода. Моё персональное чистилище.

Стараясь не забивать голову, я наскоро соорудил бутерброд и, запивая водой, оглядел камбуз. На исцарапанном полу в углу сгрудились бочки. На них, рядами до самого потолка, возвышались запечатанные пыльные бутылки. А еще выше, на балках, привязанные верёвками, качались пучки сухой травы. Кое-где уже затянутые паутиной. Из узких окошек едва пробивался свет, отражаясь от надраенных сковород и кастрюль, свисающих с длинной решётки во всю стену. С другой стороны, под столом укрывались мешки и коробки. Над ними висели полки с приправами и посудой, между которыми притулилась незаметная книга в чёрном переплете. Наверное, она и есть дядино хранилище рецептов.

Поставив чашку с водой на стол, я аккуратно снял кулинарные записи. Тяжёлые! Неужели на свете столько рецептов? Может, это что-то другое? В ответ на немой вопрос на обложке проступили кроваво-красные буквы: «Собственность мастера Оливье».

Я попытался раскрыть книгу, но она не поддавалась. Положив на стол, я вцепился в обложку, стараясь хотя бы оторвать ее от страниц. Даже не сдвинулась. Я уже хотел сходить к дяде и спросить, что делать со склеившейся книгой, но решил напоследок протереть пыльный корешок. Стоило провести ладонью по обложке и под багровыми буквами появилась тарелка с ножом и вилкой. А рядом тушка василиска, морковь, лук и соль. Пока я не дотронулся до них, картинки оставались тусклыми, но от прикосновения – посинели. Подцепив пальцем василиска, я передвинул его на тарелку. Заулыбался довольный собой, и отправил за ним морковь и лук, а уж следом соль. Рисунок вспыхнул красным и погас, растворившись в тёмном фоне обложки. Из книги раздался мерзкий хохот.

– Что за ерунда? – не выдержал я.

Мне никто не ответил.

– Глухонемая, – пробормотал я, – или тупая.

На чёрной обложке проступил розовый румянец возмущения. Я злорадно ухмыльнулся.

– Ага! Тебе не всё равно!

Книга не откликнулась. Тогда я снова коснулся корешка. Появилась новая картинка. Теперь вместо тарелки рожица со злобным выражением и кулаком, сжатом в угрожающем жесте.

– Чего ты ругаешься, – мягко проговорил я. – Мне главу о троллях почитать бы, и всё. Оливье приказал.

Первая рожа исчезла, и вместо неё появилась другая, с дразнящимся, высунутым языком.

– Не веришь? Или не хочешь?

Проступила следующая физиономия с надменным лицом и задранным подбородком.

– Так, да? Пойду, мастеру нажалуюсь.

Мордаха закатила глаза и отвернулась.

Бросив книгу на стол, я выскочил из камбуза, зацепился за мусорную корзину и чуть не упал. Обернулся и посмотрел наверх. Дядя стоял на мостике, прислонившись к штурвалу, а обезьяны поднимали большой парус на грот-мачту.

– Сачкуешь, крысёныш? – крикнул Оливье.

– Учитель, книга не слушается!

– Так заставь её, заморыш. Мне что, всё за тебя делать? Кто готовит, тот и ест!

Решив не искушать судьбу, я вернулся на камбуз. Книга хохотала. Новая круглая рожица каталась по обложке, смеясь во весь рот. Переплет покраснел так, что пропала надпись: «Собственность мастера Оливье».

Присев за стол, я подпёр кулаком подбородок и уставился на сборник рецептов.

– Что бы с тобой сделать? – глухо пробормотал я. – У тебя есть магическая защита? Может тебя поджечь или утопить?

Книга продолжила смеяться ещё громче.

– Не боишься, да. Давай договоримся, если ты такая смелая?

Вместо рожицы появилась рука с вытянутым указательным пальцем,двигающимся вправо-влево.

– Не хочешь, да, и пожалуйста.

Я встал и заходил между столом и решеткой со сковородами, меряя шагами камбуз. Кажется, я начинал понимать, почему предыдущий ученик не прочитал про красных драконов. Он не смог открыть книгу.

– Выбора не оставляешь. Если не узнаю про троллей – погибну, но до этого я тебя сожру! Ты же поваренная.

Книга снова разразилась хохотом. То же мне, кладезь знаний!

– Я оборотень! – грозно предупредил я.

Черная обложка взволнованно вздрогнула, на мгновение повисла тишина, а потом разнесся издевательский волчий вой.

Плюнув в мусорную корзину, я развернулся и под продолжающееся ржание выбежал с кухни и хлопнул дверью.

Оливье стоял за штурвалом. Несмотря на грохот, он даже не посмотрел в мою сторону. Обезьяны исчезли, поэтому я всё же забрался по лестнице и подошёл к нему. Он зыркнул красным глазом.

– Сколько по сторонам не смотри, за тебя никто меню не составит. Даже заклятья не спасут!

– Но во мне нет магии, – возразил я.

– Дурень, магия есть в каждом. Даже в самом блёклом.

– Но...

– Не спорь, ученик.

Скривившись, он отвернулся.

– Выбрось меня за борт, – устало проговорил я, но дядя не ответил.

Я вздохнул и спустился на палубу. Тоже мне крёстный. Верь после этого поварам. То есть виртуозам, конечно! Художникам! Маэстрам всяким вшивым! Что теперь делать? Я ведь не полный профан, всё-таки в академии служил. Знаю, что волшебную книгу не уничтожить. Значит, и запугать не получится. То есть единственная возможность её вскрыть – договориться. А как договориться с волшебным сборником рецептов? Произнести кодовое слово? Только я его не знаю, если оно вообще есть. Наверно, книга откликается на голос владельца, то есть мастера Оливье. Попробовать скопировать. Вряд ли получится.

– Зюйд-Зюйд-Вест! – громко выкрикнул дядя на мостике.

– Зюйдовой некуда, – пробормотал я. – Три дня жить осталось.

Так! Мои знания о магических книгах не в меру скромны. А что я знаю о троллях? Кажется, они каменеют на солнце, и... Я задумался... и всё. Видать, о книгах я знаю больше. Что же делать? Три дня пролетят быстро, а я ещё так молод. На носу рядом с бушпритом сидел боцман и курил трубку. В безнадежном деле сойдет любая помощь. Я подошел ближе.

– Давно служишь на корабле, Чича?

– Дольше, чем ты небо коптишь. Вали, не причаливай ко мне. Я не повар, я матрос. Как открывается книга, понятия не имею. Уяснил?

Я кивнул и отошел подальше. Сложно не понять, когда тебя посылают. Вот только куда деваться в открытом море, я и плавать-то не умею.

Вернувшись на камбуз, я пощупал книгу и провёл пальцем по корешку. Появились изображения кофейных чашек и кусочков сахара со знаком вопроса.

– Надо угадать, сколько сахара в какую чашку положить, да?

Книга зашуршала страницами, словно согласно зашептала.

Я задумался. В чём смысл загадки? Кофе и рафинад. Сколько кусочков положить в чашку? Можно пить кофе без сахара или нет? Непонятно. По-моему, никакого смысла нет, и книга надо мной издевается.

– Бесстыжая! Когда меня сожрет голодный тролль, буду умирать и винить тебя!

На обложке появилась подмигивающая рожица и жирная надпись: «давай-давай»!

Мне приспичило как следует стукнуть по книге. Я даже огляделся в поисках чего-нибудь тяжелого. Под руку подвернулся увесистый молоток для отбивания мяса. Подхватив его, я сделал пробный замах.

По обложке прошла рябь, словно книга вздрогнула в ожидании удара. И я вдруг подумал, что её вредный характер и показное равнодушие совсем не от хорошей жизни. Она боится

учеников потому, что они не отличались аккуратностью. Похоже на правду? Ещё как. С трудом могу представить чистоплотного лунатика с недержанием. Будь я сборником рецептов, тоже бы шарахался от такого пачкуна. А если представить, что для книги все мы на одно лицо, понятно, чего она стервозничают. Ученики для неё прямо-таки воплощение зла. Вот только, как ухаживать за волшебными книгами? Наверное, так же, как за обычными – бережно.

Положив молоток, я подошёл к ней и погладил обложку.

– Прости. Мы неправильно познакомились. Меня зовут Люсьен. Я новый помощник мастера Оливье. Обещаю всегда мыть руки, чтобы тебя не испачкать. Беречь от воды. Не оставлять раскрытой. Страницы не загибать и не рвать. Класть на ночь в полку. У тебя есть пожелания?

Прошло около минуты. Я уж распереживался, что монолог прилежного студиязуса прошёл впустую, когда на обложке проступила надпись: «Обещаешь чистить меня, протирать корешок и разгладить все заломы?»

– Клянусь! – торжественно проговорил я.

В ответ под надписью появилась широкая улыбка.

Я тоже засиял и добавил:

– Буду очень-приочень стараться.

– «Хорошо», – согласилась книга появившейся на обложке надписью. – «Навредить мне сложно, но когда лупят, топят и жгут – гадко и обидно».

Я сочувственно кивнул в ответ.

Книга сама раскрылась на нужной странице. Сверху крупными буквами шла жирная надпись: «тролль».

– Спасибо, – вежливо поблагодарил я.

Настроение поднялось. Моя первая победа.

Я с воодушевлением прочёл.

Тролль – тварь уравновешенная. Орудует рассудительно, передвигается неспешно, изображает тугу. Селится в гнезде из окатышей у тихой воды. Смахивает на старую, замшелую глыбу. Живёт неведомо сколько, да и какая разница, возраст на вкус не влияет. Ноги толстые и жирные – это намного важнее. От солнца и сильного испуга превращается в камень.

Я перелистнул страницу на схему разделки тролля. Каждая часть отделялась пунктирной линией и подписью: «рулька, окорок, толстый филей, вырезка».

Я вздохнул, неужели это тоже учить. Засада! Но следующая страница слегка подняла боевой дух: «Как ловить тролля для вкусных и здоровых блюд».

Главное не дать твари стать камнем, иначе не размягчишь!

Способ первый: ночной. Ищешь гнездо по запаху. Для приманки берёшь забродившее какозьё молоко. Как стемнеет тролль проснётся и полезет пить. Пока он занят, незаметно подберись с подветренной стороны, быстро накрой голову тёмным, не пропускающим света, мешком и нанеси один точный удар под третий шейный позвонок. Отдели башку и завяжи мешок, а то тролль окаменеет, даже если свет попадет на отрезанную голову.

– Забава та ещё, – пробормотал я. – Неужели для первого раза не могло что-нибудь попроще достаться?

Книга хмыкнула и перелистнула на следующую страницу.

Способ второй: для учеников. Берёшь мешок и дубину. Находишь гнездо, накрываешь башку. На закате тварь просыпается, глушишь и режешь ногу. Голову можно не трогать, но тогда надо пилить в два раза быстрее, чем в ночном способе.

Я присвистнул. Ничего себе лёгкий способ, отхватить кусок от живого тролля.

– А третьего способа нет?

Книга перелистнула страницу на: «Приготовление троллевого колена».

– Понятно, – бледнея, пробурчал я.

Что ж, спрошу у дяди какой способ выбрать.

– Огромное спасибо, – поблагодарил я сборник рецептов. – Можешь закрываться, я тебя на место поставлю.

Книга захлопнулась. Я водрузил её на полку и вышел. Закрыв за собой дверь камбуза и только тогда, с невнятным воплем, радостно подпрыгнул. Я победил её, и поглотитель с ними, с троллями.

Боцман, все ещё курящий трубку, кивнул и дружелюбно крикнул:

– Поздравляю!

Оливье глядел на меня с мостика и улыбался.

– Я в тебе не сомневался, – гордо сообщил он.

Я расцвел. Так редко слышу похвалу, что уже забыл, как она звучит. Поднявшись на мостик, я подкатил к дяде и, продолжая лыбиться, спросил:

– Дубиной вооружимся, верно? Ведь это способ для начинающих?

– Чего? – искренне изумился он.

– Способ охоты на троллей. Второй для учеников, я и подумал...

– А, ты об этом, – догадался Оливье. – Подзабыл, что там начиркано в рецептах. Я делаю так. Нахожу гнездо! Это не сложно. Большая куча камней, от которых больше всего воняет. Жду вечера. Когда смеркается, хватаю то, что похоже на тролля, и тащу в воду. Они всегда у рек селятся.

– И что? – не понял я.

– Топлю, – веско ответил дядя.

Я всё ещё хлопал глазами. Потому что, он вздохнул и добавил:

– Тролль тонет. Солнце заходит. Он превращается из камня в себя, набирает воды, захлебывается и дохнет. Главное следить, чтобы не всплыл раньше времени. Режешь ногу и возвращаешься на корабль.

– Зачем я способы охоты читал? – разочаровался я.

Дядя хмыкнул.

– Читал? Иди, учи наизусть. Вечером доложишь. Раз, два!

Демонстративно отвернувшись от меня, он громко крикнул:

– Зюйд-Зюйд-Ист!

Я вздохнул и с понурой головой спустился вниз.

– Курить будешь? – спросил Чича, стоя у двери на камбуз.

Я помотал головой:

– Это вреднее просроченного зелья.

Приблизив ко мне пушистую морду, он прошептал:

– Второй год её не может вскрыть. Она дуется, и ни в какую.

Крякнув, боцман развернулся и пошел к носу корабля, насвистывая между зубов:

– Капитан, капитан, улыбнитесь!

Да не скальтесь, не скальтесь ля-ля.

Капитан, капитан, усмехнитесь!

Ваша рожа ведь флаг корабля!

Я пожал плечами и снова вздохнул. Приятно, что всего за утро у меня получилось то, с чем дядя не может справиться два года. Выходит, моя первая победа, не только над книгой. Жаль, что всё равно придется учить всякую ерунду. Я вспомнил покрытые буквами страницы, как много никому не нужных знаний, и вздохнул. Декан факультета перевоплощений пытался привлечь меня к своему искусству, по его мнению, оборотень должен хорошо превращаться. Из чистого упрямства он провозился со мной около месяца, но всё же сдался. Заставить меня учиться даже с затрещинами, пинками и магическими оплеухами – совершенно невозможно. А опасные заклятья в академии строго запрещены.

Раз уж со мной не совладал маг, у дяди тем более не получится. Я усмехнулся и решительно махнул на камбуз. Самое время подкрепиться. Целая кухня в моём распоряжении. Разве можно мечтать о чём-то ещё?

Вынув из кастрюли кусок мяса, я запихал его в рот целиком и начал жевать. Как же это приятно, чувствовать живительное тепло, спускающееся в желудок. Что может быть милее для оборотня?

Влетевший в дверь мастер Оливье виртуозно подгадил мою радость.

– Вали в трюм! Покорми какому и принеси ногу минотавра!

Я чуть не подавился. Зачем так орать? У меня отличный слух. Дожевывая на ходу, я выскочил на палубу и, распахнув люк, полез по лестнице вниз.

В прохладном трюме пахло сыростью и солью. Какоза заблеяла, так что я сразу её нашел. Держась подальше от дюжины рогов, я нашарил в полутьме пучок сена и бросил в неё издалека. И не дожидаясь благодарности, вцепился в ногу минотавра. Она висела у самого потолка, но на корабле правильнее говорить – под палубой.

Я справился за десять минут. Завалил какому сеном и, довольный, вылез наверх, держа на плече здоровенную ножищу.

Дядя уже стоял у штурвала. Махнув ему рукой, мол, «учитель, всё исполнено», я вернулся на кухню. Положил мясо минотавра на стол. Никакого покоя от этих маэстро-виртуозов, пожрать спокойно не дадут.

Не успел я снять неподъемную ношу и запихать в рот салатный лист, как мой мучитель прибежал опять.

Оливье гонял меня весь день. К вечеру, я так вымотался, что уснул ещё до того, как упал на вонючий гамак. Даже дядин храп больше не донимал.

Проснувшись, я выбежал на палубу по естественной надобности. Солнце поднималось из-за моря, и вода пожелтела, в основном не из-за моих усилий. Вслед за кораблем скакали стайки дельфинов. Брызгались, стрекотали, играли и махали длинными костяными плавниками. Треугольные чешуйки переливались в мягком свете восхода. Вода успокаивающе пенилась, стучаясь об борт. В парусах баловался ветер, хлопая кливерами. Красиво, аж дух захватывает!

Мне уже нравилась жизнь на корабле. Когда-нибудь я стану опытным мореходом. Я ухмыльнулся собственным мыслям. Оборотень превращается в морского волка, тот ещё каламбур.

Я потянулся, задрал голову к облакам. Набрал полную грудь воздуха и неспешно выдохнул, согнувшись к палубе. Зарядка на свежем воздухе крайне полезна для молодого растущего организма. Я перешёл к наклонам, но отвлекли подозрительные тёмные пятна. На досках, прямо перед моим носом, отпечатались крошечные ноги. Вполне обычная ступня. Пальцев, и то всего семь, только очень маленьких.

Изучив направление следов, я похолодел. Они вели на камбуз. Сняв с пожарного стенда топор, я на цыпочках подкрался к корабельной кухне. Толкнул ногой дверь и с воплем ворвался внутрь. Меня встретил испуганный крик книги рецептов, кажется, я её разбудил.

На камбузе царил кавардак. Даже паутина с пучков травы облетела. Переступив через разбросанные по полу разодранные коробки и поваленные бочки, я пробрался к полкам. Бросил топор и, схватив книгу, погладил корешок и мягко прошептал:

– Извини.

Она нервно вздохнула и порозовела. На обложке проступила укоризненная мордочка.

– Не нарочно клянусь, – пробормотал я. – Здесь всё перевернули, и я испугался. Ты что-нибудь видела?

Укоризненная мордочка отрицательно покачала головой.

– Понятно, – разочарованно протянул я.

Поставив книгу на место, я взялся за уборку. Посуда валялась по полу. Кастрюли на сковородах, ножи и ложки в мисках. От продуктов остались лишь кости и огрызки. Я с трудом узнал ногу минотавра по обглоданной голяшке.

Выдвинув ящик, я сложил столовые приборы, стараясь не путать. Вилки, с любым числом зубьев, в одно отделение. Ложки, всяких размеров, в другое. Ножи между ними. Зачарованная квадратная коробочка – к ножам или к вилкам? Я задумался, а когда вспомнил откуда она и для кого, похолодел. Как можно было забыть? Фарцовщик говорил, что капитан Джо состоит в кругу чернокнижников и обязательно прикончит меня, если что-то пойдет не так.

Я с дрожью заглянул под крышку. Внутри, на чёрной бархатной подложке, лежали крошечные червонные цепочки. Что за ерунда? Неужели именно эти побрякушки я тащил капитану Джо?

– Что там у тебя? – недовольно просипел дядя.

Он стоял у двери в одной матроске и панталонах и потирал повязку на глазу.

– Погром! – неуверенно ответил я. – Проснулся, а тут кто-то всё сожрал и разбросал.

– Ага, – подтвердил дядя, отлепив руки от лица. – Вижу.

Пнув подвернувшуюся под ногу кость, он ступил на камбуз и, оглядев беспорядок, вздохнул.

– Наверно, я проклят источником магии, – пробормотал он. – Если второй раз подряд получаю в ученики лунатика. В чём мои прегрешения? Ходящий по ночам оборотень, это уже чересчур. Ещё говорят, что самое страшное в море штить. Ха!

Он грозно посмотрел на меня и с надрывом произнес:

– Прости, малыш, но тебе лучше утопиться. Поверь, самому не так мерзко.

Я встряхнул головой и невольно отступил назад, прижавшись к полке.

– Учитель, это не я. Я спал.

– Все вы так говорите, – пробурчал он. – На моем судне закон. Никаких лунатиков!

– Я не он!

– Все это говорят.

– Я же, правда...

– Тогда кто? – закричал дядя. – В себе я уверен. Обезьяны прилетают к завтраку или, когда я надену треуголку.

Оливье топнул ногой.

– Она что, на мне? – свирепо продолжил он и зачем-то шлёпнул себя по лысине.

Я замотал головой. Шляпы не было.

– Тогда кто? – повторил он.

– Не знаю, – прошептал я, тиская в руках коробочку.

– Да что ты бормочешь-то там? – проревел дядя и, надвинувшись, выхватил её из моих рук.

Оглядев трофей, он осёкся на полуслове. Поднес квадратный футляр к покрасневшему глазу. Понюхал и отпрянул.

– Откуда коробка? – с дрожью потребовал он.

– С пола, – неуверенно протянул я.

– Тишина на палубе! – взревел Оливье. – Я отдам тебя Эрлику! Буду кормить его стражем пожизненно, пока он тебя обрабатывает!

Я захлопал глазами. Лихорадочно соображая, что он хочет.

– Фарцовщик в трущобах мне её дал. Сказал, чтобы капитану Джо в порт отнёс, грошик сулил. Я очень хотел есть, и согласился. Когда нашел четвертый причал, капитан Джо по кабакам шлялся.

– Морского дракона мне в суп! – заорал дядя. – Что придумал этот олень в тесте?

Он выскочил с камбуза, а я побежал следом, ещё не понимая, что произошло, но уже чуя свою вину и близкое увольнение. На этот раз, возможно, с утоплением.

Оливье заскочил в каюту и почти сразу выпрыгнул обратно, сжимая в руках волынку. Старую, с истертыми бурдонными и обломанной игровой трубками. Бурдюк покрывали весёлые, с цветочками, заплатки.

– Следы, – указал я на палубу.

Судя по направлению крошечных пальчиков, отпечатки босых ножек вели от трюма к камбузу, но дядя почему-то решил по-другому. Подкачав бурдюк воздухом, он, осторожно переступая, чтобы не скрипеть досками, подкрался к мачте и вытянулся, прячась за ней. Выглянул и крадучись двинулся дальше. Я на цыпочках последовал за ним. Когда мы подобрались к трюму, он выразительно показал глазом, чтобы я открыл крышку. Я дрожащей рукой ухватился за кольцо и потянул.

Как только проход полностью раскрылся, Оливье резво прыгнул вниз. Тут уж я за ним не бросился.

Через несколько мгновений шхуна закачалась и подскочила. Резанул по ушам оглушительный свист, а следом крик дяди:

– Хватай его!

Из-за скачков, я стоял на карачках и держать никого не собирался. Особенно того, кто легко раскачивает здоровое судно. Я даже попятился назад, но шхуну снова швырнуло. Палуба наклонилась, и я съехал к открытому люку.

Из трюма выпрыгнуло мелкое серое существо, похожее на лесную фею, только без крыльшек. Из худого создания, сквозь бледно-серую кожу, выпирали кости, а мизерные ножки словно вывернуло задом наперед. На меня смотрели гладкие пятки, а пальцы торчали в обратную сторону. Вот почему я не понял следов и пошёл на камбуз.

Существо тоже рассматривало меня. На мордочке с грустными влажными глазами и большим, от уха до уха, ртом застыло трогательное выражение. Мне даже захотелось почесать его впалый живот.

– Лови! – заорал снизу Оливье.

Я протянул руку. Существо моргнуло. В следующий миг ясное солнечное утро накрыла тень, и с неприятным лязгом захлопнулась у меня за спиной. Запахло сыростью и тухлятиной. Раздался оглушительный свист, а потом тень улетела вперёд, а я, наоборот, назад и шлёпнулся на спину. Распластавшись на палубе, я вернулся туда, где стоял до свистопляски. Только весь мокрый. А оглянувшись, заметил, как мелкая тварюжка проскочила под дверь, ведущую к каютам.

Дядя подхватил меня под локоть и встряхнул.

– Смотри в оба, камбала. Тебя чуть не сожрали. Благодарю источник, что у кощера нет зубов, – процедил он, опасливо следуя за существом.

Я растерянно моргал, не зная, что сказать. То, что меня проглотили, конечно, объясняло, почему я мокрый, но не укладывалось в голове.

– Трави по малу, – подтолкнул меня Оливье. – Растворяешь дверь и заскакиваешь внутрь. Будешь живцом. Если опять проглотит, я снова вытяну, не бзди?

Я не рвался быть приманкой, но крепкий пинок заставил засеменить вперед. Столкнувшись с дверью, я невольно распахнул её и ввалился в коридор. Кощей уже поджидал. Плоские белые губы растянулись, а пасть с чмокающим звуком расширилась и раздвинулась на ширину коридора.

Я зачарованно пялился на чудо, но досмотреть не успел. Дядя пнул меня с разбега, и пролетев над изумленными глазами кощера и его огромным ртом, я врезался в стену.

За спиной раздался свист, звук вынутой пробки и тишина.

Оторвав лицо и тело от перегородки коридора, я зачем-то отряхнулся и повернулся к Оливье. Он затыкал обломанный конец игровой трубки.

– Свезло, – облегченно сказал он и скрылся в своей каюте.

Я стоял в коридоре, не зная, что делать дальше. Словно прочитав мои мысли, дядя крикнул из-за двери:

– Вали, отмой слюни этого ублюдка! Засохнут, даже магией не соскребёшь.

Стянув рубаху, я рванул на палубу к ярко-синей бочке. Дядин клиент из гильдии Водолубов зачаровал её для превращения морской воды в питьевую.

Умывшись и прополоскав рубаху со штанами в стоящем рядом корыте, я развесил вещи сушиться, а сам вернулся на камбуз. Не страшно, что в одних панталонах, обезьяны еще не прилетели и на корабле кроме нас с дядей никого. Тем более, что кощей кощеем, а обед по расписанию. Мастер Оливье, как обычно, разрушил мои скромные кулинарные мечты. Выскочив из апартаментов, он двинулся прямо на меня. Я по привычке отступал, пока не уперся спиной в мачту. Тогда дядя проворно выхватил кинжал и упер мне в горло. Лезвие оказывается очень холодное.

– Ты намеренно поджидал меня у Единорога? Давай, лепечи, крысёныш!

Я хотел помотать головой, но с лезвием у горла это не просто, поэтому, осторожно, одними губами выдохнул:

– Нет.

– Не лги, заморыш! Чем купил тебя Джо?

– Ещё ничем, – правдиво ответил я. – Я же говорил, что на корабле его не застал.

Дядя надавил на кинжал, так что лезвие оцарапало кожу.

Я взвизгнул.

– Честно, не вру!

– Ты не знал, что принёс на мой корабль кощей?

– Не знал, не знал, – подтвердил я два раза для пущей убедительности.

– Ладно, – неожиданно быстро согласился мастер Оливье, спрятал оружие и отпустив меня, отошел на шаг.

– Садись, – сказал он, показывая на стул, на котором день назад я пробовал стража лилового сердца.

Я сел. Глупо спорить с вооруженным маэстро. Особенно, если принес на его корабль кощей. Кем бы он ни был, этот кощей.

– Что с тобой делать, пожиратель рыбьих потрохов? – пробасил дядя.

Я кивнул. Если он не знает, это хорошо. Ещё недавно казалось, что он знает, и кинжал у моего горла красноречиво намекал на то, что именно он собирается делать.

– В чём состоял ваш план?

– Ваш? План? – глупо повторил я.

– Да! – выкрикнул дядя. – Если бы кощей покончил с провиантом, он сожрал бы нас, дрыхнувших и ничего не подозревающих, тыща горбатых моллюсков тебе в глотку.

– Впервые кощей видел, – искренне проговорил я.

– Ну, надо же, крысёныш, – язвительно произнес мастер Оливье.

– Взаправду! Я даже не представлял, что такие вообще бывают. А как в него еда помещается?

Дядя нагнулся ко мне.

– Слушай, заморыш. Мне мерещится или ты кайфуешь? От тебя ничем не несёт, значит ты не пьешь. Ты нюхаешь дурман-пыльцу?

Вытаращив глаза, я медленно помотал головой.

– Ох, не верю я тебе, зелень подкильная.

– Не вру!

Дядя отошёл, бросая косые взгляды и подкручивая усы.

– Свистать всех наверх, – наконец рявкнул он, – из этой бухты курс один. Я не плаваю с учениками, которым не верю, – и покачал головой. – Пора провести обряд очищения!

– Нет, нет, нет, не надо? – испуганно проблеял я.

– Видать, ты о нём слышал, – обрадовался Оливье.

– Не надо, – еще тише забурчал я.

– Надо, Люся.

Я нахмурился. Ненавижу, когда коверкают моё имя. Само по себе Люсьен звучит вполне отвратительно. А Люся – ни в какие чары не лезет. Я бы обиделся, если бы не надвигающееся испытание, но про обряд дядя явно не шутил.

Сходив на камбуз, он принёс соль и отсыпал на палубу. Обошёл вокруг стула и заключил меня в солёный круг. Мне ничего не оставалось, как тихонько сидеть, поджав ноги.

Покончив с просолкой, мастер Оливье припёр с кухни кастрюли. Наполнил водой из синей бочки и расставил за белой чертой.

Сходил в свою каюту и выволок огромное зеркало на колесиках в оправе из чёрного дерева, местами потрескавшегося и сколотого. Поставил напротив меня, а сам спустился в трюм и притащил клок сена. Ещё вчера я кормил им какому.

На мой многозначительный взгляд, он процедил сквозь зубы:

– Какозе не пригодится, она своё отплавала.

Я вздохнул, жаль животину.

Дядя вытащил из кармана чёрные, расшитые серебром перчатки и надел на руки. Расправил и посмотрел на меня.

– Поднять паруса! – бодро пропел он, протягивая мне сено. – Что смотришь? Плюй, давай.

Я плюнул, а что ещё оставалось, наплевать на всё и терпеть.

Скрутив солому со слюной, Оливье подошёл к зеркалу и принялся обводить моё отражение. Получалось не ахти, но, насколько я слышал, точность в таких церемониях не важна.

Закончив, дядя бросил солому под зеркало и встал за моей спиной. Я зажмурился и ждал. Он положил мне руки на затылок и забормотал.

– Открой нам то, что скрыто око всевидящего.

Не выдержав, я подглядел. Моё отражение исчезло. Только не так, как Чёрный Эрлик с корабля – совсем по-другому. Оно встало и ушло. Теперь в зеркале отражался стул и дядя с растрепанными по лысине волосами, часть соленого круга, кастрюли с водой и полкорабля. Почти как на самом деле, только без меня.

Пока я отвлекся от зеркальных перевоплощений, мастер Оливье ловко дернул меня за руки. Загнул их за спинку стула и со сноровкой, показывающей недюжинный опыт, связал меня. Особенно озаботившись тем, чтобы я не встал.

Тем временем отражение вернулось обратно и село на стул.

– Меня прокляли? – испугано завопил я.

Никогда не слышал, чтобы отражения разгуливали, куда им вздумается. Видимо, обряды очищения проходят по-разному. Боюсь, только цель у них одна: очиститься от лжи и скверны, чтобы говорить одну только правду. Как минимум до тех пор, пока не закончится обряд.

– Сейчас узнаешь, – пообещал дядя.

Он обошёл вокруг меня и вытащил одну из своих сабель.

– Не надо, – панически завизжал я.

Оливье ударил меня саблей. Плашмя. По лбу. Так, что лезвие заходило ходуном и, пока оно вибрировало, приложил к зеркалу. По стеклу прошла рябь, на несколько мгновений всё исчезло, затем появилось снова, и моё отражение насмешливо пропищало:

– Не надо.

- Чего дразнишься? – обиженно спросил я.
- Чего дразнишься? – продолжило издеваться отражение.
- Будешь задирааться...
- Чего ты? Разревешься? – грубо ответил мой двойник.

В ответ на нашу перепалку Оливье рассмеялся, подошёл ближе и наступил мне на ногу. Я вскрикнул, а он воспользовался моим разъяренным ртом и зачихал кляп.

- Якорный клюз завали, крысёныш, – душевно предложил он. – помешаешь общению.
- Я помотал головой, но дядя не обратил на это внимания.
- Опробуем! Как тебя зовут?
- Люсьен, – ответило моё распоясавшееся отражение.
- Ты знаешь капитана Джо?
- Да.

Я чуть не взревел от негодования. Что значит, да? Я его не знаю.

- О как! – пожевал губу дядя. – Давно вы воду мутите, Люся?
- Недавно.

Я вскрикнул и попытался встать, но мастер Оливье на славу постарался, привязывая меня к стулу.

- Где свели знакомство?
- Мы не познакомились, – ответило отражение.
- Как так? – растерялся дядя. – Растолкуй!
- Я его ни разу не видел. Знаю, что он капитан каравеллы пришвартованной у четвертого причала в Черногорске.

– Откуда набрался?
– Фарцовщик сказал. Предложил отнести Джо заговоренную коробочку и обещал, что тот заплатит грошик. Я согласился.
– Он разъяснил, что в коробочке? – почти ласково пропел дядя.
– Нет, сказал, её нельзя открывать, иначе капитан Джо убьёт меня, а ещё, что он состоит в кругу чернокнижников.

Оливье прыснул.

- Джо? Колдун? Нет, крысёныш. Ты не врун, ты слабоумный орк.

Взяв другой стул, дядя уселся рядом с зеркалом.

- Видать, мой старый дружище Джо следил за мной и слышал наш базар у Единорога.

Швартовый буй...

Дядя не успел договорить. Последние слова заглушил шум крыльев. Вместе с которым на корабль приземлились летучие обезьяны. Боцман вскинул руку в приветственном жесте. Матросы повторили, и дружной толпой ломанулись на кухню.

- Завтрака не будет! – крикнул Оливье.

Обезьяны остановились. Чича нехотя обернулся и с недоумением посмотрел на дядю.

– А как же договоренность, – начал он, – питание не зависит от объёма выполненной работы!

– Договоренность никто не отменял, – согласился Оливье. – Я тут ни при чём. Этот замо-рыш! – он ткнул пальцем в отражение, но поправился и показал на меня. – Припёр на корабль кощег. Не сам дотумкал, его развели, как последнего орка, но притащил он.

Боцман подошел ближе.

– За борт? – с интересом спросил он. – Стул, конечно, жалко, но я обещаю достать похожий.

Я встрепенулся. Куда? Я не виноват, меня подставили. Я запрыгал вместе с путами, но верёвки держали крепко. Попробовал вытолкать кляп, но дядя крепко заткнул меня, как бочку с огурцами.

– Ещё не решил, – задумчиво буркнул Оливье.

– А что, провизии ни крошечки? – поинтересовался боцман.

– Пусто, как в его башке.

– Тогда, давай, его и сожрём? Что готовят из оборотней? – предложил Чича.

Это уж слишком. Я что, безмозглый тролль, чтобы меня готовить? Я снова задёргался, пытаюсь встать, но опять потерпел фиаско. Заговоренные они что ли, эти путы?

– Для собачьего супа нет ростков бамбука, ползучего пырея, житника, кобелиных семян, – отрешенно заметил дядя. – Да и вкус средненький.

Я поперхнулся кляпом от возмущения. Мало того, что собираются съесть так, я еще, оказывается, и не вкусный. Вот перегрызу веревки, всех покусаю и сбегу!

– Но проучить надо, – продолжил дядя. – Чтоб надолго запомнил, что под одним парусом плывём. А то, этот заморыш за кусок мяса всех нас продаст.

– К ворожее не ходить, – подтвердил боцман.

Я протестующе завертел глазами, убедительно мыча в своё оправдание.

– Думаю, бросим его так. Путь неблизкий, пускай до Тролляндии правду говорит, жаба гальюнная.

Чича улыбнулся во всю мохнатую морду.

– Складно.

Я облегченно вздохнул. Подумаешь, посижу связанный. Ничего. Бывало и хуже.

Приняв решение, дядя ушёл, а вот боцман остался. Сев на его место, он подпер морду кулаками и уставился на моё отражение. Матросы собрались вокруг.

– Всегда хотел узнать... – задумчиво начал Чича, – когда превращаешься, всё тело увеличивается или нет? А то всякое болтают.

– Всё, что требуется для боя, – ответило отражение.

– Это смотря с кем воевать, – хитро проговорил боцман. – Слышал, оборотни в брачный период перекидываются, правда?

Матросы радостно заржали.

– Брехня, – ответил мой двойник. – При превращении кровь приливает к мускулам и отходит от половых органов, поэтому в брачный период перекидываться глупо.

На этот раз ревели все. Боцман, команда и Оливье у штурвала. А я весь красный и связанный сидел на стуле. Лучше бы меня съели или выкинули за борт.

– А ты самку уже нюхал? – отсмеявшись, продолжил боцман.

– Нет, – отмахнулось отражение. – Я ещё не достиг половой зрелости. Ритуал не провели, у нас с этим строго.

Я закрыл глаза. Еще бы уши заткнуть, но руки примотаны к стулу.

– Разумеется, – ухмыльнулся Чича. – Давно хотел узнать, ты на луну воешь?

– Бывает, – ответило отражение, – с голоду и не такое учудишь.

– Когда трюм пустой не до веселья, – усмехаясь согласился боцман.

– Про рацион справься, – крикнул Оливье.

– Капитан интересуется, – продолжил командир летучих обезьян, – ты какому сожрал?

– Нет, – испугалось отражение. – Я живых отродясь не ел, у меня смелости не хватает.

К тому же, я крови боюсь.

– Уморительный оборотень, – держась за живот проблеял боцман.

– Хорош пока. За снасти беритесь, ветер меняется, – крикнул дядя. – Ему деваться некуда. Будет торчать, как буй на мели.

– Главное, чтобы пузыри не пускал! Погнали, мореходы.

Я открыл глаза. Чича встал, и они всей гурьбой прошли мимо.

День выдался тяжелым. Из-за неудобного сидения затекли ноги. От кляпа болел рот и жутко хотелось пить. Если я пытался шуметь или мычать, кто-нибудь из свободных обезьян

спрашивал у зеркала. До каких лет я писался? Когда первый раз превращался, у меня одежда порвалась? Меня собаки сзади нюхают? За что меня с предыдущей работы уволили? Меня папа в детстве бил или кусал? Волчанкой болел? Бешенство было? А блохи сильно раздражают? Новый ошейник нужен, или я всю жизнь в одном прохожу? А я за кошками бегаю? А летом в будке спал?

Вечером, когда обезьяны улетели, ко мне подсел дядя. Опёрся о зеркало и долго разглядывал.

– Моя жизнь опасна, но увлекательна. Если ты выберешь этот путь, захочешь овладеть моим искусством и посвятить себя культуре вкуса, ты станешь истинным моим учеником! – в его не скрытом повязкой глазу появился жадный блеск. – Тогда моя жизнь станет твоей. Ты справишься с этим?

Я не знал, что ответить. Как ни странно, молчало и моё отражение в зеркале.

– Подумай. Когда захватим тролля, корабль вернется в Черногорск. Если не захочешь быть учеником, оставайся в городе. Теперь попей и иди спать.

Он вынул кляп и развязал меня.

Я размял затекшие мышцы и поднялся. Ноги едва слушались.

Дядя вылил воду из кастрюль на солёный круг.

– Когда завтра встанешь, убери всё, – приказал он, не глядя на меня, и покатило зеркало в каюту.

Глава 3. Первая охота

Проснувшись рано утром, я не спешил выходить из каюты. Не хватало снова вляпаться в неприятности, но мочевой пузырь с этим не согласился. Да ещё сон до сих пор бродил перед глазами. Наш шаман из резервации тыкал в меня кривым чёрным ногтем и кричал: «Ещё не время!». От его волчьей маски с желтыми зубами и вытянутым языком по спине до сих пор носились мурашки. А от вони старой серой шубы, даже посреди кошмара кружилась голова. Всегда его недолюбливал. А теперь шаман будто прятался в тёмном углу за швабрами. Пришлось покориться организму и приступить к утреннему моциону, а потом и к уборке.

Выплеснув остатки воды из кастрюль, я отнес их на камбуз. Пожелал доброго утра книге рецептов и нехотя приступил к уборке. Не люблю возиться с водой.

Дядины слова о том, что его жизнь станет моей, долго не выходили из головы. Я так крепко задумался, что чуть ещё раз не вымыл палубу, но вовремя опомнился. Это уже чересчур! Я остановился и посмотрел на отражение в корыте с водой. Вроде я. Похож на меня. Встряска головы прояснила мысли. Да что такое? Что я делаю? Давно уже должен сидеть на кухне. Кивнув самому себе, я нырнул на камбуз.

Тщательные поиски еды расстроили. Ни крошечки, ни кусочка. Как говориться, болотника не нашел, а руки испачкал. Что за невезуха! Я уже второй день ничего не ем, и во мне разрастается прожорливая бездна. В которую, когда она достигнет небывалых размеров, ухнутя все тридцать миров. Я хотел злобно рассмеяться, но ошейник надавил на кадык, и я только икнул. Снял с полки чёрный фолиант и погладил корешок.

– Есть хочу, – пожаловался я.

Книга раскрылась и перелистывала страницы, остановившись на тридцатой главе: «Каша из топора»:

Диетический завтрак на скорую руку: средний топор, моча дракона, сахар, соль и специи.

– Ыть, – скептически булькнул я, – бегу анализа у драконов брать.

Но рецепт всё же дочитал.

Кипяти воду, кроши сахар с солью. Вымытый топор топи и капай драконью мочу. Парь, перекладывай мягкий топор в блюдо. Студи и мни. Кашу в кастрюлю, сыпь побольше специй (топор шафраном не испортишь!) и, помешивая, вари до готовности. Подавай горячим (если остынет, лучше сразу выбрось).

– Любопытно, – произнес я, залезая в полку.

Кто его знает маэстро-виртуоза, может у него и урина припрятана, как кулинарная добавка.

– Чего потерял, крысёныш? – с вызовом спросил знакомый голос.

Я обернулся. Дядя стоял в дверном проеме, хорошо хоть одетый. Следит теперь за мной, что ли?

– Кашу хотел сварить, – как можно естественней сказал я.

– Если со стенда пропадет топор, – недобро прищурился Оливье. – Высушу и пушу на строганину. Пристанем к берегу, поешь. До начала превращения успеешь.

Я вздохнул.

– Учитель, как скажите. А когда мы сойдем на берег?

– К обеду, – усмехнулся дядя и вышел с камбуза.

Я еще раз погладил обложку и поставил книгу обратно на полку.

– Спасибо, что пыталась помочь, – поблагодарил я. – Не то, что некоторые, высушу, настрогаю. Не вкусный я, уже обсуждали.

Выйдя вслед за Оливье, я поднялся на мостик.

– Про капитана Джо расскажи? – попросил я.

Не то чтобы любопытно, но до обеда куча времени. Смотреть не на что, вокруг бескрайнее море. Есть нечего, а топор нельзя.

Дядя покосился единственным глазом.

– Подумал над тем, что я вчера говорил?

– Конечно, – соврал я.

Всю ночь только и думал, быть рядом с кухней всемирно известного повара или прыгать за борт. Никак не мог выбрать голод или свобода.

– Решил?

– Мне в Черногорске нечего делать, – абсолютно честно сказал я.

Совсем не значит, что я остаюсь, но звучит убедительно.

– Хорошо, – повеселел Оливье. – Я стар, и мне позарез нужен ученик. Ревматизм скоро с ума сведет. Отдышка замучила. Зрение ослабло. Если обоняние потеряю, вообще готовить не смогу. Так что без помощника каюк.

Я пожал плечами.

– Бей в рынду, – расщедрился дядя. – Обезьяны сегодня не прилетят, можем потрындеть.

– Почему не прилетят?

– Потому, что жрать нечего, – передразнил он мои интонации. – А варить из тебя суп, пока ты нужен, я не разрешаю.

Я замолчал. Поговорим, в дядином понимании, означает – сейчас, крысёныш, я буду рассказывать тебе правду жизни, а ты заткнись и слушай.

– Джо – охотник, – начал дядя. – Ловит экзотических зверей за барыши. В высокой кулинарии, как сатир в апельсинах, вообще не смыслит. Зверобой, наоборот, удачливый и ловкий. Мы пересеклись на драконьем архипелаге. С тех пор все беды и начались.

Оливье скривился.

– Выдался неудачный день, – нехотя выдавил он. – Занудило три драконьих яйца для огненной болтуни. Выискал гнездо, слямзил яйца и поскакал на корабль. Зацепился за корень и, как назло, одно яйцо расколошматил вдребезги. Вернулся к гнезду, а там уже дракон прилетел, и... разразился шторм. Джо охотился неподалеку, услышал шум и...

Дядя задумчиво потёр нос.

– Немного подсобил, – неразборчиво пробурчал он. – Меня словно гиком по голове ударило. Возьми, да скажи. Спасибо мол, проси, чего хочешь.

Оливье снова замолчал. Рассказ давался ему с трудом.

– Если бы знать... – неловко потянул он. – Что этот олень в тесте от благородства не треснет. Поначалу сказал, ничего не надо, потом сочтемся, и отчалил.

– Учитель, извини. А почему ты его оленем в тесте называешь?

– А-а-а... – отмахнулся дядя, – профессиональный термин для дилетанта, – он выпучил глаза и дурным голосом забурчал. – Чё тут готовить-то, обернул тестом и в печь.

– Ясно, – изрёк я.

– Чего тебе ясно, крысёныш? – не выдержал Оливье. – Чтоб ты понимал. Когда я приплыл в Черногорск, Джо уже дожидался в порту. Всё про меня разузнал и собирался нагрести империков до ватерлинии. Он посмел предложить мне...

Дядя гордо ударил себя в грудь.

– Хранителю вкуса! Покупать у него, оленя в тесте, свежую дичь!

Он замолчал, задохнувшись от возмущения, а я благоразумно не вставил умную реплику. Так и молчали, пока Оливье не собрался с мыслями.

– Я сказал, чтоб зимовал с раками в тех заповедных землях, где они обычно зимуют. С тех пор Джо мстит.

Дядя вздохнул.

– Надо отдать ему должное, этот спесивый карась крайне изобретателен. Вот кошей! Мочёные-учёные императорского университета исследований до сих пор бьются над тем, откуда эта скотина взялась. Он не водится ни в одном из тридцати миров, хотя может пока убежище никто не разнюхал, так бывает. Откуда появились багамуты, тоже не сразу разобрались. Кто бы мог подумать, что безумные маги сами создадут такое!

Оливье взмахнул рукой.

– Я уж молчу про его рацион! Кошей хакает всё подряд, но не меняется. Не худеет, не жиреет. Не растёт, не уменьшается. Вот императорские умники и решили, что он как бы и не жрёт. Всасывает что попало и выбрасывает в свой мир!

У меня отвисла челюсть.

– У него что, рот в одном мире, а задница в другом? – обалдевшим голосом спросил я.

– В яблочко, – согласился Оливье и приставил руку ко лбу.

Он сощурился, напрягая глаза и, покрутив ус, добавил:

– Хорош болтать, пора буксир тащить! Иди о троллях читай.

– Да, учитель, – быстро согласился я и ретировался с мостика.

Не хотелось навлекать на себя очередную порцию дядиногo гнева. Лучше спрячусь на камбузе. Там никто не орёт и почти безопасно. Но дойти до кухни я не успел – пропало небо и наступила жуткая тишина. Я запаниковал? Нет. Так, колени подогнулись, голова закружилась, не более. Подумаешь, исчезли высокие, голубые без единого облачка, небеса. Сплюшь и рядом такое происходит. Ничего особенного. Чернота-то со звездами осталась. Даже еще более яркая, чем ночью, совсем не страшная...

Когда вспыхнул воздушный кристалл на мачте, я почти упал без чувств. Если бы корабль не затрясло и не потянуло вверх, я бы в себя не пришел. А так пришлось хвататься за борт, к которому я съехал. Кристалл сверкнул и потемнел, слившись с небом. Судно оторвалось от воды и с днища полился солёный водопад. До моря он не долетал, а натываясь на преграду, собирался в лужи под корпусом.

Вся морская гладь, от горизонта до горизонта, растворилась. Словно совсем село зрение, и я уже не видел ничего ближе собственного носа. Только ударившие из кристалла лучи, выхватили из темноты рангоут и неподвижные паруса. Ослепительная вспышка заставила обернуться. Сияние перекинулось с мачт на палубу, пробежало по морёным доскам, залило корму и запрыгнуло на капитанский мостик. Голубой свет озарил Оливье, окутав сверкающим заревом.

Я прежде не видел, как корабли переходят в другой мир. Хотя всё когда-нибудь случается в первый раз. Свечение обволокло дядю, слепя синим пламенем, и втянулось в штурвал. Корабль заскрипел снастями, повернулся на зюйд-зюйд-вест и бухнулся обратно в воду. Приземлившись настолько мягко, что я даже не упал. Волны с запоздалым напором налетели на борта. Я даже вскрикнул от неожиданности. Такими оглушающими показались вернувшиеся звуки. Тут же появилось небо, солнце и облака. Море расплескалось вокруг насколько хватало глаз.

На этом чудеса закончились. Я немного подождал, но, поймав на себе недовольный взгляд дяди, решил не рисковать. Ничего страшного и интересного уже не будет. Успокаивая себя, я ушёл на камбуз. Ноги ещё тряслись, в глазах рябило от резкой перемены света, но всё перебивал никуда не девшийся голод. Чтобы хоть как-то отделаться от навязчивого чувства, я уселся за разделочный стол и, подложив руки под голову, закрыл глаза. Дремота навалилась незаметно.

Я вздрагивал во сне, в животе урчало, отвлекая от прекрасных грёз о зерновой каше из академии.

– Земля! Земля!

Проснувшись, я так резко разогнулся, что влетел затылком в полку.

– Зачем так орать? – пробормотал я, выходя с кухни. – Земли что ли не видел?

Признаться, мне и самому было интересно. Я еще никогда не выбирался за границы Черногорска, не считая своей родины. А тут настоящий другой мир!

Перегнувшись через борт, я рассматривал землю. Ничего особенного, тёмная полоска на горизонте. Тоже мне, перемены. Сплошное разочарование. Ожидаешь императорский цирк с великанами и фейерверками, а получаешь сельский балаган с пьяными шутами. Может быть, мы никуда не переносились, а так и остались в нашем мире?

Я обернулся к мостику. Спрошу у дяди, не убьет же он меня. Но за штурвалом никого не было. Я плотоядно облизнулся на капитанский мостик. Представил, как надеваю треуголку и раздаю приказания команде. Почему бы нет. Надо пользоваться удачным моментом. Дядя сам говорил, что скоро моя жизнь станет его. Так пусть становится прямо сейчас.

Поднявшись по ступеням, я подкрался к штурвалу и положил на него руку. Тёплое, словно живое, дерево задрожало под пальцами. Я лихо посмотрел в лицо приключениям, и у меня снова отвисла челюсть. Если так пойдет дальше, скоро придется её подвязывать.

Ради справедливости – было от чего обалдеть. Как только я коснулся штурвала, далёкая земля приблизилась. Я нарочно попробовал несколько раз, прикладывая и убирая руку. Остров наплывал и удалялся, когда я трогал рулевое колесо. Но поразило даже не волшебство, а сам новый мир. Я получил кое-что покруче великанов жонглирующих вопящими шутами.

Из пенящихся волн вздымался цветущий остров-многоэтажный дом. В самом низу со скал сбегала пузырящаяся вода. Из зарослей выбивались сочные зеленые стебли. Лианы обви-вали гибкие стволы, тянущиеся вверх и переплетающиеся с корнями еще одного слоя земли, нависающего над предыдущим. Эта толща из камней, кустов и торчащей из скал травы скал тоже лгнула к следующему этажу. А дальше всё повторялось снова, опять зеленая чаща, перемежающаяся пригорками и оврагами, и снова неустанные ветви стремятся ввысь, лишь для того, чтобы опутать корни нового слоя земли.

С корабля, не остров, а точь-в-точь слоёный пирог. Только на каждом корже вместо кремовых завитушек росли деревья, кусты и трава, а марципановые фигурки заменяли скачущие рогахи. Похожие на пресловутого оленя, но без теста и в лохматых шубах, словно заботливая мамочка утеплела их на зиму.

В середине острова, на одной из прослоек над щиплющими траву рогахами, кралась чупакабра. Под коротким серым мехом бугрились мышцы. Между оскаленных клыков мелькал длинный раздвоенный язык. Хвост подрагивал от возбуждения, а на перекошенной морде, раздувались большие влажные ноздри. Только четыре неподвижных глаза, не мигая, смотрели на добычу.

Здорово подглядывать за такой жутью издалека, так и тянет поиздеваться. Я даже составил:

– У чупакабры ноздря нюхает, а глаз неймет...

Зверюга неожиданно прыгнула вверх и исчезла в слое корней и травы, моментально выскочив снизу, рядом с одним из меховых оленей. Рогач лишь повёл ухом, не успев даже повернуть голову, как чупакабра вцепилась ему в горло. Брызнула кровь.

Я отпрянул от штурвала и замер.

– Тебя всё же стоило макнуть для порядка, – совсем не злым голосом сказал дядя, укоризненно глядя на меня.

Увлеченный красотами слоёного мира, я даже не заметил, как он подобрался.

– Учитель, извините, – покаялся я, склонив голову.

– Тебе одного обряда не хватило?

– До архимаговых подштанников.

– Тогда, кыш! На первый раз прощаю.

Я отошёл, пропустив к штурвалу Оливье.

– Учитель, а что за земля перед нами, это Тролляндия? – дрожа, промямлил я.

Дядя занял своё место и, взглянув вперёд, ехидно крикнул.

– Сдрейфил, ученик?

Я опустил глаза.

– Скачи от радости. Туда, – он махнул рукой к слоённому острову, – нам не надо.

Я шумно выдохнул.

– За все Черногорские империки, туда не вернусь, – признался он. – Говорят, есть дыры и похуже, но я бы поспорил. Такого сумасшедшего лабиринта с ненасытными тварями во всех тридцати мирах не сыщешь, – и добавил порозовев. – Но в самой тёмной, крошечной глубине этой бездны чудищ, пасётся Великий Свин.

– Кто? – не понял я.

– Какой ты всё же скучный и дремучий. К тому же единственный в тридцати мирах кто не знает об острове Божественного бутерброда! На море, на окияне, посреди острова на чёрной поляне, стоит Свин печёный: в задку чеснок толчёный, с одного боку режь, а с другого – соли, да ешь. Да?

Я уже открывал рот, когда дядя зыркнул на меня и продолжил.

– Завали клюз, крысёныш. Вопрос риторический. На этот остров никто не суётся. Хотя любой пират отдал бы руку и ногу, чтобы посадить в трюм Великого Свина.

Оливье замолчал. Я немного выждал, чтобы не получить очередную порцию нравоучений, и спросил:

– Что в этой свинье такого?

Дядя закрутил ус.

– Если отрезать от Свина кусок мяса, он сразу нарастет вновь. Его нельзя убить, он очень долго живет. Но главное, он вечный источник хавки, чтоб мою шхуну в водоворот засосало.

– Правда?

– Абракадабра! – рассердился мастер Оливье. – Откуда мне знать, заморыш, я его не пробовал.

Мы задумчиво помолчали.

– Пойду, о троллях поучу?

– Вали.

Я спустился вниз и вернулся на камбуз. Разочаровано пробежался по пустым ящикам, заглянул под стол. Кушать хочется всё больше и больше, а нечего.

– Быть учеником виртуоза на голодный желудок – тяжело. Какой я по счету?

В ответ послышалось хихиканье. Я поднял голову и, сняв книгу с полки, погладил обложку.

На ней мгновенно проступила надпись: ревнуешь?

– Шутишь? Потрясающе. А сколько их всего было?

Появились две цифры: три и ноль.

– Тридцать? – я попробовал загнуть пальцы, но их почему-то не хватало. – Со мной тридцать один. Ого! Часто менялись?

Книга не ответила. То ли задумалась, то ли не хотела говорить.

Подумав, что вопрос, и правда, глупый, я сказал:

– Надо валить, пока всё плохо не кончилось? Оливье предлагал остаться в Черногорске, когда приплывём.

На обложке появилась голова, пожимающая плечами.

– Тык, – не стал допытываться я. – Есть время подумать... Про троллей покажи, пожалуйста, – вспомнив несчастную судьбу предыдущего ученика, попросил я.

Пробежав глазами описание, схему разделки и способы охоты, я остановился на рецепте печёного троллева колена.

Побольше чеснока на ногу – тролли отвратительно воняют. Для рассола душистый перец, имбирь, мускатный орех, лавровый лист, соль и светлое пиво – лучше брать у гномов пещерное забористое, тогда не надо ковыряться со шкурой, сама облезет. Добавить дикий мед, масло и мягкую горчицу.

Почистить ногу, промыть в...

Продолжить я не смог. Слюна текла так, что я не успевал сглатывать. Читать с голодухи кулинарные книги – высшая степень издевательства над собой.

С другой стороны, чем ещё занять время.

– А самый странный рецепт какой? – спросил я тёмный фолиант.

Книга зашелестела страницами, показав оглавление с приписками.

Принцессы крученые под розовым соусом – постное меню людоеда.

Драконята копченые – смертельно опасно! Без мага гильдии Огневикиов даже не пытаться!

Левиафан под шубой – охота на левиафанов строго запрещена. Сохранилось всего около трёх сотен страшилищ.

Малосольный хозяин болота – без заклатья обратного времени, обедом рискует стать повар.

Скелеты диетические – без эликсира собачьего голода, жестковаты.

Кетцалькоатль пряный поджаренный – чтобы избежать несварения, перед едой принести в жертву блёклого простака.

Дальше я читать не стал. Куда уж страннее. Хотя мысли сами потянулись к топору.

– Земля, земля!

Я даже не подскочил. Медленно закрыл книгу, сказал: «Спасибо», и церемонно проследовал на палубу.

Мы подплывали.

Тролляндия, в отличие от Божественного бутерброда, была совсем близко. Уже не серая полоска на горизонте, а вполне различимый тропический остров. С сочными цветущими джунглями и яркими плодами, свисающими с низеньких деревьев. С разноцветными птицами, скачущими по веткам и чистым белым песком. Всё как на картинке в кабинете декана Водолюбов, только без девушек, купающихся в море.

– Мы приплыли? – на всякий случай спросил я.

Вдруг это не пункт назначения, а какой-нибудь другой остров. Мифический сэндвич или Демоническая шаурма.

– Три тыщи огненных медуз мне под корму, если не так, – крикнул Оливье с мостика.

Он уже надел камзол и пристегнул пояс с саблями.

– Готовь лодку, у берега мелко, корабль не пристанет.

Я огляделся. Легко сказать, готовь. Где она, эта лодка? Как её готовить? В книге рецептов, что ли, посмотреть? Лодка в яблоках или в собственном соку, а может что-нибудь экзотическое, салат из лодки без опилок. Я вздохнул и потряс головой. Что только с голодухи не придумаешь.

А правда, как её готовить? На воду спускать? Я в ней не плавал-то ни разу.

Открыв рот, я уже собирался задать мучивший вопрос мастеру Оливье, но на меня снизошло озарение. Я понял, что услышу в ответ! Решив не нарываться на головомойку, я обследовал борта корабля. Опыт подсказывал, что лодка должна висеть там. Не в трюме же она находится, в самом деле. Но опыт подвёл, лодки нигде не было.

– Учитель, лодка пропала!

Мастер Оливье, копавшийся под штурвалом, приподнялся и недоуменно посмотрел на меня. Потом на нос корабля и снова на меня.

– Когда вернёмся, напомни показать тебя знахарю. Что-то с тобой всё же не так.

Я нахмурился, знахарей, люблю ещё меньше, чем купаться на глубине, но решил благо-разумно промолчать. Проследил взгляд учителя и поплёлся на нос корабля.

У бушприта на палубе стоял загон. Я заметил его, когда пробовал стража лилового сердца, но даже не задумался, зачем он нужен. Прямоугольный ящик без крышки, высотой по колено, с широкой доской посередине. Приглядевшись, я увидел весла по бокам и ключины на бортах.

Вернувшись к мостику, я крикнул:

– Учитель, что в лодку грузить?

Чувствуя себя при этом распоследним орком. Даже сам подумал, что поход к знахарю, не такая уж плохая идея.

– Тёмный, не пропускающий света мешок и запас воды на двое суток. Остальное возьму я. Нужно быть готовым ко всему.

– Да, учитель.

Спустившись в трюм, я нашёл мешок и фляги. После устроенной кощеем зачистки это не составило труда. Кроме несъедобных припасов в трюме не осталось ничего. Мерзкое создание сожрало всё, даже холщовые сумки. Я уж не говорю про бедную какому, исчезнувшую вместе с веревкой.

Выбравшись на свет, я удивлённо присвистнул. На флягах красовалась эмблема гильдии Водолюбов капля летящая снизу-вверх. Знаменитые отметки ставили только на бездонные сосуды в мастерских академии. Между прочим, стоит такая фляга, словно золотая. Мечта любого путешественника! Маги обещают, что в неё влезет сто литров воды, а весить будет, как обычная.

Сложив наши нехитрые запасы в лодку, я вернулся к дяде.

– Учитель, готово.

– Спустить паруса! Мочи якорь! – громко крикнул он в ответ.

Сбежав по лестнице, мастер Оливье поправил треуголку и бодро зашагал к лодке, сдвинув сумку на животе.

– Бездонный кошель, – гордо заявил он. – Ношу всё самое нужное. Сотню империков. Верёвку. Ложку. Щипцы для оттягивания языка, – дядя усмехнулся. – Маску. Троллемер. Вот кощей твой тоже здесь, ума ни приложу, куда его ещё деть.

Он забрался в носовую часть, переходящую в бушприт, и встал, напряженно глядя на берег. Я поплёлся следом.

– Забирайся, морская улитка, время не ждёт.

Я плюхнулся на скамейку. Глупее, ещё себя не чувствовал.

– Чего расселся, крысеныш? Слуг ждёшь? У подмастерьев слуг нет! Берись за вёсла.

Хотя нет, сейчас почувствую.

– Шевелись, кит без хвоста, твоя неповоротливость бесит, – бросил дядя.

Он оглянулся.

– Испытываешь моё терпение, гадёныш?

Надо же, что-то новенькое. Я уж думал у дяди для меня всего две клички. Оказывается, он ещё способен на сюрпризы.

– Нет, учитель. Я не в своей тарелке себя чувствую.

– Будешь дурить, почувствуешь себя в моей тарелке. Я начинаю думать, что боцман прав, тебя стоит сожрать, – прошипел Оливье.

Я подхватил вёсла, воткнул в ключины и закрутил ими в разные стороны.

Грести без воды не только глупо и нелепо, но и неудобно.

– Прибавь ходу!

Я попытался вертеть руками быстрее, но вёсла цеплялись за палубу, а от избыточных стараний даже выступил пот.

– Поднажми, шкрябка без ручки, – крикнул дядя.

Я налёг на вёсла, вкладывая оставшиеся силы в фальшивое плавание, пока не почувствовал, как лодка ударила обо что-то твёрдое. Под днищем заскрипело. Перестав грести, я огляделся.

Оливье переступал через борт лодки.

Я зажмурился.

– Фляги с мешком не забудь, черепаха замороженная, – гаркнул он.

Я вздрогнул, но, не услышав криков и всплеска, приоткрыл один глаз и посмотрел на дядю.

Он крутился на берегу. Мое зрение ещё не настроилось, поэтому Оливье то удалялся, словно я смотрел через подзорную трубу, то приближался, будто стоял на корабле.

Я потёр глаза. Что за ерунда? Пришлось долго, сосредоточенно вглядываться в дядю, пока зрение не перестало скакать, и я ни оказался рядом с ним на берегу Тролляндии. Любопытство заставило оглянуться. Корабль всё ещё стоял в бухте. На том же месте, где Оливье приказал бросить якорь. Кстати, кому? Обезьяны же не прилетали? Вопросы выскочили из головы, когда я разглядел, что чудо-лодка простерлась от берега до шхуны. Её корма вырастала из бушприта и красивой дугой тянулась через бухту к моим ногам.

– Шустрей, крысёныш!

Подхватив вещи, я с опаской прыгнул на берег и, продолжая ошарашено оглядываться, побежал за учителем. Он шёл через полосу прибоя к зарослям, не слишком беспокоясь, поспеваю я за ним или нет. Оливье сверялся со здоровенным компасом, едва помещавшимся в ладонях.

– Если троллемер не врёт! А он никогда не врёт, как попугай капитана Гморгана! Через полчаса дочапаем до одинокого гнезда на берегу реки.

Я подпрыгнул, пытаясь заглянуть через дядино плечо, чтобы увидеть троллемер, но он прикрыл компас руками и грозно посмотрел на меня, гаркнув:

– Не лезь на рожон, салага, – и прибавил шагу.

Тропинка вилась через прибрежные заросли, огибая деревья. От буйства красок рябило в глазах, а от странных незнакомых запахов ещё сильнее урчало в животе. В сплетении лиан и широких листьев с колючими кустами потерялось даже небо, поэтому я глядел под ноги. Еще не хватало переломать их в дебрях. Мастер Оливье скорее милостиво прикончит меня, чем благородно потащит на своих плечах. Может и понесет, конечно, если решит приготовить из меня собачий суп, но в этом случае, целиком я ему не понадобится.

Дядя шустро шагал по заросшей лианами тропинке, а я старался не отставать, ступая по его следам, отпечатывающимся во влажном мху. В изогнутых, словно капканы, корнях застревали ноги. Ветки норовили хлестнуть по плечам, а лианы петлями затягивались на руках. Причём только на моих. Оливье распоясавшиеся джунгли совсем не замечал, ловко продвигаясь к намеченной цели. Хорошо ещё, что троллемер взаправду не ошибается и через полчаса мы выбрались из буйных зарослей на равнину. Такую же бесконечную, как покинутое море. Тут тоже колыхались волны, только из травы, и уходили мохнатым бурунами за горизонт.

– Идём налево! – скомандовал дядя, на ходу сверяясь с компасом.

На меня даже не посмотрел. Я, может, уже потерялся, заблудился и погиб, но Оливье такие мелочи не беспокоили.

– А меня волнует, – пробормотал я. – Особенно мой пустой желудок.

Опечаленный пренебрежением к проблеме недоедания, я чуть не натолкнулся на дядю. Он резко остановился, выискивая что-то под ногами. Нашёл незаметное в траве устье обмелевшего ручья и двинулся вдоль него. Через два десятка шагов Оливье и вовсе встал. Втянул воздух и прижал палец к губам.

– Приплыли!

Я посмотрел в ту же сторону и ничего не увидел.

Перед нами лежала груда валунов. Похоже, их недавно достали из реки. Уж больно они округлые и обтесанные. В остальном – камни, как камни. Если мы пришли, и это знаменитое гнездо, то где же тролль?

– Удачно причалили, – тихо сказал Оливье. – Здоровый, зараза, прямо кит-убийца! Боюсь, не утопим даже вдвоем.

Я тарасился во все глаза. Здоровый кто? Тролль? Да где же он?

– Зато такие ножищи, что и одной на банкет хватит. Какой второй способ?

Я не сразу понял, что он спрашивает именно меня, а тем более не разобрал суть вопроса. Дядя сморщился, а его взгляд стал настолько красноречивым и не сулящим ничего хорошего, что я всё моментом сообразил.

– Мешок на голову, а когда начнет превращаться – дубиной по башке бахнуть.

Оливье кивнул.

– Иди, ищи дубину, да поздравей.

Я вздохнул и побрёл обратно к лесу.

– До вечера времени много, но ты лучше поторопись, пиявка обомлевшая, – бросил он мне в спину.

Конечно, сейчас, как затороплюсь. Скороходы поотстанут. Поглотитель следом побежит, догонять умается.

Я прошёлся по краю джунглей. Не хотелось снова лезть по кочкам и корням. Тем более, по опыту, дубины, палки и сучья валяются, где ни попадя, без всякого смысла. Под деревьями их очень много, а в пустыне нет совсем.

Вернувшись со здоровенной корягой, я встал рядом с Оливье. Кроме перекошенной кучи камней, я так ничего и не видел. То ли тролль невидимый, то ли я не троллевед.

Взглянув на дубину, Оливье кивнул. Ободренный, я осмелился спросить:

– А где тролль? Я только гнездо вижу.

Дядя взглянул на меня с жалостью. Так смотрят на умалишенных или чужих непослушных детей.

– Это не гнездо, а тролль. Гнездо за ним, – одними губами вымолвил он.

Я чуть не ляпнул «Брешешь!». Снова всмотрелся в каменные глыбы. А где нос, глаза? Толстые и жирные ноги. Хотя бы голова! Сплошное нагромождение булыжников, похожее на пирамиду. Сверху большой неровный валун, приплюснутый с одной стороны и выпуклый с другой. У основания кривые замшелые блоки и мелкие, овальные камни.

Я заморгал глазами. Меня озарило. Тролль прямо передо мной. Он сидит, подтянув под себя согнутые ноги, сложив руки на груди. Голова наклонена, подбородок прижат к каменному торсу, глаза закрыты.

– Огромный, – шумно выдохнул я.

– Крупный экземпляр, – согласился Оливье.

За каменной пирамидой спряталась укрытая травой стена из смахивающих на самого тролля валунов. Ограда, местами доходившая мне до пояса, и есть гнездо.

– Понял, – обрадовался я.

– Поздравляю, заморыш, – проворчал дядя. – Теперь ты гений всех тридцати миров! Вернёмся в Черногорск, получишь в соборном холле медаль, – и задумчиво потеревив ус, вырвал у меня дубину. – Примерь, мешок-то на него налезет?

Я читал, что днём эта громадина всего лишь бездушный камень, но подходить всё равно не хотелось.

– На абордаж! – подтолкнул дядя. – Солнышко скроется, попытка накроется, дуй скорее.

Я сделал несколько шагов. Потом ещё пару. Вынул из-за пояса мешок. Какой он всё-таки большой. Почему для первой охоты мне не попался тролль поменьше? Обойдя валуны сзади, я встал на цыпочки и набросил мешок на каменную башку.

– Затягивай сзади, крысёныш, – зашипел дядя.

Нашупав в горловине мешка бечёвку, я потянул двумя руками. Пришлось, правда, упереться ногой в спину. Страшновато, конечно, топтать тролля, пусть и окаменевшего, но лишь поначалу. Я быстро приноровился, осмелел, и потянул со всех сил, прижал веревку пальцем и завязал узел.

– Слезай, заморыш, ты бы ему ещё на макушку влез.

Глянув под ноги, я задрожал. Пока боролся с завязками мешка, я оседлал тролля и теперь восседал на его плечах. Живо соскочив на землю, я побежал к дяде.

– Ты на вахте, башкой отвечаешь, – распорядился он. – Я пойду, съестного раздобуду. Нам ещё обратно плыть, не хочу три дня сидеть на одном корабле с голодным оборотнем.

– А я...

– А ты и есть этот оборотень, – отрезал дядя. – Stereги!

– Да, учитель, – печально согласился я.

– Если что, встретимся у лодки! – крикнул он и скрылся в траве.

Я остался один с гигантским троллем. Солнце стояло высоко, но его затеняло скверное предчувствие. Оливье не вернётся до захода. Я мысленно перевернул страницы книги рецептов и чуть не вскрикнул. У меня есть дубинка, мешок надет на жертву, но у меня нет пилы!

Я затравленно огляделся. Сорвался с места догонять Оливье, но зацепился ногой и чуть не упал. Рядом со мной из земли торчала одна из дядиных сабель, широкая.

Сомнения окончательно развеялись. Он не вернётся и после заката. Глушить тролля, резать ногу и тащить трофей к лодке придётся мне. Успокаивало, что без меня он не уплывет. Для печёна троллева колена ему нужна нога этого самого тролля. А вот остальное выглядело скверно!

Панике я не поддался. Бежать некуда! Прятаться негде! Возвращаться без троллевой ноги – опасно! Завидев меня без дичи, добрый дядюшка может отмочить любую гадость. Остаётся одно – преодолевать испытания.

Решив, чему быть, того не миновать, я сел в траву и стал ждать захода солнца.

Тёплый, ласковый ветерок и тихое бормотание ручья успокаивали. Клонило ко сну. Стрекотали кузнечики. Мелодично жужжали пчелы. Издалека долетали птичьи переклички. Глаза слипались и, если бы не постоянно напоминающий о себе пустой желудок, я бы наверняка уснул. А так лишь моргал, и гладил живот, сладко зевая.

Но когда начало смеркаться – страх вернулся. Стрекотание в траве стало напряженным, жужжание гнетущим, а визгливые птичьи вопли предостерегающими! Чтобы отвлечься, я принялся талдычить одну и ту же фразу:

– Я смелый оборотень! Я смелый оборотень!

Продвигаясь за спину тролля, я перехватил дубину поудобнее, закинул её на плечо и занял выгодную позицию. Надеюсь у тролля на затылке нет запасных глаз. Решил, как груда камней шелохнется, буду бить без предупреждения.

Темнело. Руки затекли. Ноги звенели от напряжения. Дубина тяжелела, а тролль не двигался. Меня посетила нелепая мысль, а может, он нарочно. Откаменел, всё понял и притворяется. Ждёт пока я расслаблюсь, успокоюсь, и тогда как прыгнет и кулаком мне по куполу – бац.

Солнце скрылось, оставив бледную позолоту на краю травяного моря, и я уже не различал мелочей. Пирамида из булыжников превратилась в один темный силуэт. Казалось, ничего не изменилось. Хотя кто их разберёт, этих троллей. От того, кто пол жизни похож на бездушную каменюку, можно ждать чего угодно.

Я уже извёлся, когда он втянул воздух.

С перепугу, я так шарахнул его по башке, что сломалась толстая коряга, а тролль со вздохом упал наземь. Бросив остатки дубины, я нашарил саблю и рубанул по ноге.

Тело тролля переменялось. Вместо груды камней превратившись в необычное, но уже похожее на настоящее, туловище с ногами и руками. Ломаное, неровное, с вмятинами и шероховатостями, но всё же живое.

Нога отрубаться не хотела. Я уже резал и пилил с каким-то безумным остервенением. Кромсал несчастного тролля, как озверевший мясник, и то, что он в любой момент мог прийти в себя, только придавало сил и смелости.

Неожиданно нога отвалилась, больно стукнув меня по ступне.

– Терпение и труд даже тролля перетрут, – пробормотал я, – хотя он может и отомстить.

Потерев ушиб, я обтёр тролличью ногу травой и взвалил на плечо. Подобрал саблю и двинулся в обратный путь. Дядя обещал добыть съестных припасов, и я искренне надеялся, что он сдержит слово. Иначе, боюсь, не совладаю с собой и сожру тролличью ногу сырым.

Подумав, а не забрать ли мешок, вдруг дядя заругается, я обернулся. Тролль уже не лежал, а сидел, держа в руках пресловутый мешок и с обидой смотрел на меня. Его глаза светились в темноте, поэтому насчет обиды, я уверен.

Вместо того, чтобы бросить ногу, кинуть в него саблей и пуститься наутёк, я дико заорал:

– Я смелый оборотень, лучше не подходи! – и в подтверждение своих слов, состроил страшную рожу.

– Вижу, – печально произнес тролль. – Моя нога у вас на плече доказывает, что вы смелый. Ошейник на шее, что вы оборотень.

Я выронил саблю, а потом и ногу. Тролличью, естественно. Челюсть подвязывать было поздно, она уже висела до живота.

– Тролли не разговаривают, – неуверенно пробормотал я.

– Не могу согласиться с вашим утверждением. По большей части, тролли действительно крайне бестолковые и невежественные, но на полном отсутствии речи я бы всё же не настаивал.

– Хорошо, не буду, – согласился я.

А что оставалось делать? Трудно спорить с троллем о том, что он не разговаривает, когда он сам говорит тебе о том, что разговаривает.

– С моей стороны крайне невежливо не представиться. Меня зовут Евлампий, – начал тролль, – а теперь позвольте спросить, зачем вам понадобилась моя нога?

Я несколько раз открыл и закрыл рот.

– Конечно, я понимаю, – продолжил тролль, – что со временем она отрастет заново, но до тех пор мне будет трудно добывать пропитание. К тому же, брать чужое без спроса – очень невежливо. А бить по голове без предупреждения – сущее варварство. Она, хоть и каменная, но очень даже болит.

– Простите, – заикаясь, с трудом выговорил я.

После отповеди Евлампия стало стыдно. Понимаю его обиду. Прибегает неизвестно кто посреди ночи, бьет дубиной по голове и отрезает ногу. В такой ситуации сложно не расстроиться.

– Простите, – повторил я. – Я не знал, что вы... Ваша нога мне нужна...

Еще чуть-чуть и я начну картавить, а потом совсем потеряю дар речи.

– Мне... Мы... мы хотели печёно троллево колено приготовить, – справился я.

– Высокая кухня, – догадался Евлампий, – понимаю. Что ж, успокаивает, что вы сделали это не просто так, а ради кулинарного искусства.

Я не нашелся, что ответить. В голове крутилась высокопарная чушь. В академии я слышал сотню искушенных в пустых разговорах академиков. Они закручивали такие многоэтажные предложения, что я не мог сосчитать слов. Хотя одна фраза заместителя директора, сейчас придется кстати.

– Многоуважаемый, что я могу для вас сделать? – припомнил я.

– Вы оказали бы огромную услугу, если бы отвезли меня в цивилизованное место. Все дела в Тролляндии я уже закончил и хотел бы попасть в Черногорск, хотя любой другой порт тоже подойдет.

– Вам повезло, – обрадовался я. – Мы как раз в Черногорск плывем.

– Необычайно! Какое фантастическое совпадение.

Троль встал, опёрся на руки и, оттолкнувшись ногой, прыгнул ко мне. Я невольно отскочил в сторону.

– Извините, – смутился Евлампий. – Но передвигаться по-другому без ноги, я не могу.

– Угу. За мной идите.

Постоянно оглядываясь, я припустил к лесу, стараясь не отклоняться от тропинки протоптанной Оливье. Трава давно поднялась, и поле снова превратилось в бескрайнее море, без островов и ориентиров. Если бы не луна и тёмная полоса леса, я бы заблудился, но пыхтящий за спиной троль помогал меньше думать и живее шевелить ногами. Хотя, когда мы сунулись в джунгли, я даже обрадовался, что он скачет следом за мной. Со всех сторон прилетало ужасающее уханье, злобное стрекотанье и даже далекий, но от этого не слабее леденящий душу, вой. В горле запершило, я невольно набрал побольше воздуха и чуть не завыл в ответ, в последний миг подавив подкатившее желание. Еще чего не хватало. Даже с огромным троллем за спиной не стоит привлекать внимание. Ещё неизвестно кто откликнется. Мало ли что там за чудо-юдо, схарчит меня и тролля, и не подавится. Не хочется вконец омрачить первую охоту, она и так вышла спорной.

Лес жил особенной ночной жизнью, наполненной резкими, и от того пугающими звуками. Правда, мы бежали слишком быстро, чтобы как следует перетрусить.

Я заметил огонек впереди еще до того, как под ногами захрустел песок. На берегу у линии прилива горел костёр.

– Это мастер Оливье! – обрадовался я и прибавил шагу, несмотря на то, что тролличья нога давила на плечо.

Сам троль молча следовал за мной. Только странно сопел. Может, устал? Видать неудобно передвигаться на руках, отталкиваясь одной ногой.

Мне показалось или дядя махнул в ответ? Я оторвался от попутчика и стремительно влетел в круг света, потрясая трофеем.

– Добыл! – гордо крикнул я. – А ещё тролля привел, он говорящий!

Наклонившийся поворошить костер, дядя резко разогнулся и устоял в гремящую темноту. Он так и щурился, привычными к огню глазами, пока здоровенная туша не выбралась на свет.

Евлампий больше не был одноногим троллем. У него вообще не осталось ног. Срывая закрученными, завывающими вихрями песок и поднимая тучи песчинок, на меня с ревом катился шар из дико вращающихся камней. Я испуганно отскочил. Крупные валуны и едва различимые крупинки, перемешанные со сдернутыми с веток листьями и сучьями, с выкорчеванной землей, светились от горящего внутри яростного, прерывисто дышащего жара. Свет прорывался тонкими раскаленными добела лучами, сжигая попавший в ветроворот мусор. Шар с хриплым рёвом втягивал новые булыжники и окатыши, ещё сильнее разгоняя бешеный вихрь. Гремел сталкивающимися, высекающими искры камнями. Выл! Вопил! Ревел! Исходил оглушающим треском ослепительных росчерков молний, сверкающих над едва различимой головой бывшего тролля. Из глаз вырывалось пламя, а рот больше походил на ущелье в скале.

– Мастер Оливье, вы арестованы за браконьерство! Вы предстанете перед высшим судом Тринадцатого Тёмного Объединенного мира! Сопrotивление бесполезно! – загрохотал знакомый, но искаженный словно эхо, голос.

Шар замер, продолжая быстро крутиться на одном месте, почти не касаясь песка. Из стремительной круговерти выдвинулись изогнутые, опоясанные сверкающими огненными прожилками, глыбы. Они раскололись на концах, изрыгнув струи смешанного с паром пламени, и устали на нас с дядей.

– Это боевой голем, – безмятежно изрёк Оливье. – Лучше не дёргайся, нам с ним не тягаться.

Я покосился на ногу тролля, которую всё ещё сжимал в руках. Она выглядела как настоящая. Я перевёл взгляд на Евлампия, больше напоминающего внезапно поднявшийся смерчь. Не похоже, чтобы я отпилил ногу у него. Её есть-то можно? Или лучше выбросить?

Заметив мои метания, голем повернул голову и уставился блестящими глазами.

– А как же тролль? – тихо спросил я.

– Не волнуйтесь, нога настоящая, – сообщил он, – я подготовился. Соорудил гнездо, сплёл заклятие сбивающее троллемер.

– А где тролль? – не понял я.

– Пришлось его убить, к сожалению, он оказался слишком крупным и очнулся в то время, когда вы резали ногу. Он бы обязательно попытался на вас напасть, поэтому я его обезвредил, – голем громко вздохнул. – После того, как вы отрезали ногу, я добил тролля и оттащил в сторону. Занял его место, а дальше вы знаете.

– Почему в поле не напали? – уточнил я.

– Необходимо соблюдать... – сказал Евлампий, но тут вмешался дядя.

– Я почти купился, – довольно ощерился он. – Очень артистично. С маскировкой только промахнулся. От тролличьего гнезда разит так, что глаза щиплет, но ты вонял сильнее. От тебя за милю несло приближающейся грозой, перебило даже тролличий смрад!

– Попрошу мне не тыкать, – обиделся Евлампий.

Мастер Оливье пощёлкал языком в ответ и снова заулыбался.

– Я чуял подвох, но не мог раскусить, что не так, поэтому решил отступить к берегу.

– Наслаждайтесь свободой, пока можете, – мстительно заметил голем. – Через пять с половиной минут откроют портал, и мы перенесёмся в Тринадцатый Тёмный Объединенный мир.

– Вряд ли, – насмешливо откликнулся дядя.

Его слова ещё сотрясали воздух, когда вокруг костра появились летучие обезьяны. Евлампий среагировал молниеносно. Из трещин в глыбах, заменяющих голему руки, вылетели мелкие камни с такой скоростью, что большинство пуль расплавилось бы от зависти. Я бы их даже не заметил, но голем вдруг исчез и появился на краю светлого круга от костра. Моментально растворился в воздухе и материализовался перед ним самим выстрелянными камнями. Щебень с гулким стуком ударил его в спину и втянулся в ветроворот. Евлампий опять пропал и возник за гранью светлого поля, сверкая сеткой молний и раскалённым пламенем на фоне сумеречного пляжа. Испарился, появился выше и уже не исчез, а свалился вниз на песок.

Оторвавшись от голема, я взглянул на обезьян. Выставив руки со сплетенными пальцами, они водили медленный чарующий хоровод.

Мастер Оливье улыбался во все золотые зубы, посматривая то на них, то на голема, то на меня.

Евлампий исчезал и появлялся всё выше и выше, и ударялся всё сильнее и сильнее. Каждое новое падение ещё глубже загоняло его в песок.

Обезьяны, а это они, судя по всему, издевались над големом, пытались размазать его по пляжу. Он возник уже так высоко в небесах, что светился, как ещё одна луна. Которая неожиданно сорвалась вниз и обрушилась на песок грохочущей, бряцающей валунами и ревущей белым огнем грудой каменной крошки. Молнии с шипением выстрелили в стороны и рассыпались гаснущими искрами.

– Хватит, – проворчал мастер Оливье.

Обезьяны разорвали круг и невозмутимо расселись у костра, принявшись за дымящееся мясо. Кусали шашлык с палочек, на которые его нанизал дядя, и весело переругивались.

– В пятый раз ухнулся, как мешок гнилой рыбы, даже брызги полетели!

– Откуда в боеголеме брызги? Он же каменный!

– Это слёзы несбывшихся надежд!

Они прыснули со смеху. Чича даже закашлялся, поперхнувшись куском мяса.

Я пораженно глядел на поднимающийся над ямой пар. Кроме развороченного песка ничего не напоминало о големе и молниеносной магической схватке. Оливье посматривал на обезьян с благодушием доброго папочки.

– Крысёныш, – не поворачивая головы, выдал он. – Ты не оборотень, а орк, или читал книгу рецептов с закрытыми глазами?

– С открытыми, – обиженно пробормотал я.

– Тогда, орк, – развеселился Оливье, покручивая ус. – Буковками написано – тролли бестолковые животные. Они не разговаривают!

– Но...

– В зад тебе бревно! Не калякают, не треплются, даже не мычат! Любой заморский око-валок догадался бы, но ты привёл это чудище сюда. Пригласил на мой корабль! Обещал ему свой гамак и читать сказки на ночь, бочка тухлых моллюсков!

Я потупился. Дядя закончил обвинительную речь и, махнув на меня рукой, присоединился к обезьяньему пиршеству. Я тоже мог незаметно подсесть, но аппетит пропал. Представив, как жуткий голем расстреливает нас с дядей камнями, я сгорал от стыда. Ноги сами понесли подальше от шумной компании на тёмный берег. Стоило обдумать, оставаться на корабле или сойти в Черногорске и заняться привычной работой. Не гожусь я для опасных приключений. Моё предназначение мести двор.

Чёрные волны бились в песок, брызгая в меня горькой водой. Море сердито причитало о тысячах бестолковых учеников погубивших себя и своих учителей. Расстроено плескалось, поминая их лень, невежество и глупость. А пена ехидно лопалась: «неуда-чник, неуда-чник»!

Я прошёл полсотни шагов, когда услышал предостерегающий дядин вопль, и нехотя обернувшись, задрожал перед порталом. Никогда бы не понял, что это, если бы не видел раньше. Даром что ли, провёл столько времени в академии, подглядывая за тренировками студиозусов. Они обычно упражнялись во дворе, и подсмотреть мог каждый желающий. Создавали точно такие же порталы. Один в один марево над каменной дорогой в жаркий день. Дрожащий, искаженный воздух с бледно сияющими крапинками.

– Евлампий сказал...

Закончить я не успел. Меня подбросило в воздух, и понесло в открывшееся жерло перехода. Я даже вскрикнуть не смог, только прикрылся руками, ожидая что сейчас шмякнусь об землю. Песок не перина, падать на него – удовольствие то ещё. Но удар превзошёл все ожидания!

Я грохнулся об гладкий каменный пол и вскочил, потирая ушибленные колени, с ужасом поняв, что перенёсся!

Из сияния появился голем. Он уже не выглядел, как бешено вращающийся шар из камней. Скорее, как очень высокий, крупный уродливый колдун с толстыми руками и ногами из камней посыпанных галькой. С жуткой приплюснутой головой с дырами вместо глаз, носа и рта, которую он сконфуженно вжимал в плечи, чтобы не тереться об потолок.

– Не волнуйтесь, – объявил он, – пришлось взять вас вместо мастера Оливье. – Я объясню свой поступок.

Растолковать он не успел. Я ринулся в портал, надеясь выскочить обратно на пляж, но опоздал. Перемещательные ворота закрылись, а я, разогнавшись, чуть не врезался в стену. Очень некстати стоявшую за порталом.

– Не волнуйтесь, – повторил Евлампий. – Вам не причинят вреда. Вы не пленник, вы гость!

Прижавшись спиной к стене, я огляделся. Не похоже на гостевую комнату, скорее на тюрьму. Из тупика был виден серый низкий коридор с безрадостным потолком и жутко блестящим полом, отполированным тысячами заключенных, бредущих на смерть. От этой мысли меня затрясло.

– Как они не хочу! – в отчаянии вскрикнул я.

– Кто? – не понял голем, уставившись на меня двумя дырами, заменяющими глаза.

– Заключенные, – испуганно выдавил я.

– Вы не заключенный, – терпеливо объяснил Евлампий, – вы гость.

Я не поверил. Этот ушлый камень уже один раз обманул меня, когда притворялся говорящим троллем. От него можно ожидать чего угодно! Кто знает, кем он прикидывается теперь.

Голем внимательно глядел на меня, тоже понимая, что не слишком убедителен.

– День был длинный и тяжелый. Вы, наверняка, устали и хотите отдохнуть, – озабочился он. – Я отведу вас в ваши покои. Вы как следует выспитесь, а утром мы всё обсудим.

Он тарашился, ожидая ответа, и я кивнул. Что мне оставалось делать, выбора-то нет. Если скажу, что не устал, еще чего доброго заставят работать.

Мы вышли из каменного мешка в коридор и свернули направо. Евлампий едва не терся головой об потолок, пригибаясь, и казалось, что его сложенное из глыб тело, готовится к прыжку. От этого я нервничал ещё сильнее, и вертелся по сторонам, стараясь не смотреть на голема.

Из неровных серых стен с тошнотворными зелеными прожилками, напоминающими испортившееся мясо, выпирали массивные железные двери с ржавыми клепками и внушительными засовами. Лишний раз подтверждая, что мы в тюрьме. Точнее я, а должен был попасть виртуоз, художник и маэстро. Вернее, сквернослов, гад и браконьер.

Мы остановились, и голем с раздражающим скрипом распахнул тяжелую дверь.

– Смазать надо, – проворчал он и вежливо добавил. – Проходите, пожалуйста.

Я подчинился и сразу же услышал, как за спиной задвигается засов. Гостей всегда запирают, не правда ли.

Все прочие мысли улетучились, оставив место только ахам и охам. Такой шикарной комнаты у меня еще никогда не было. Не сравнить с конурой в академии. Я уж молчу про каюту на корабле, больше смахивающую на чулан для половых тряпок.

Новые апартаменты по роскоши соперничали с гостиничным номером, в который я однажды доставлял конверт от директора академии. Высокий потолок украшала изящная лепнина и красочный барельеф с цветущими на склонах гор садами. Мягкий свет, льющийся из ниш, загадочно подрагивал. У боковой стены высился шкаф с лакированными дверцами. В углублении под аркой увитой золочёной ковкой, скрывался бельевой комод с настоящими выдвижными ящиками. Я даже покатал их туда-сюда, прикрыв глаза от удовольствия. Пусть на время, но всё это моё. Развернувшись, я оббежал низкий стол с двумя креслами и подскочил к огромной кровати. Вытер ноги об мохнатый ковер, и обмер. С картины на стене на меня смотрел император Эраст Победитель. Длинные волосы собраны в хвост на макушке, на бороду, спадающую на блестящий нагрудник, нанизаны жемчужины. Плащ развевается за спиной, а нога в сверкающем сапоге стоит на рогатой башке поглотителя магии.

Я скривился. Подошёл к старинной выщербленной раме, и перевернул картину к стене. Император он или нет. Нечего на меня пялиться.

Комната даже побогаче, чем я видел. Жёлтый торшер с кружевами и перламутровая раковина на треноге били гостиничный номер по всем статьям.

Я вздохнул. Если бы всё это не было тюрьмой! А так темница остаётся темницей, даже с торшером. Я сел на кровать. Мягкая! Подпрыгнул, закачавшись на перине. Ну и ладно, страдать лучше с удобствами, а не на голом каменном полу. Я развалился на кровати и, зарывшись с головой в одеяло, потянул носом. Какой аромат! Скошенная трава и шиповник. Настоящее блаженство! За такой комфорт и умереть не страшно.

Глава 4. Невинное наказание

Я проснулся от скрипа двери. Вскочил на постели, сонно оглядываясь. Сюрприза не вышло. Меня приветствовал Евлампий. В руках вежливый голем держал огромный поднос, от которого расходился божественный аромат. Я мигом вспомнил, насколько голоден, и спрыгнул с кровати. Пленительный запах полностью подчинил мою зверскую натуру и вёл за собой.

Голем поставил поднос на кровать.

– Приятного аппетита, – пожелал он, покидая комнату.

Хорошо, что он ушёл. Я набросился на еду, как ненасытный оборотень. Сегодня уже третий день голодовки и, если бы не вчерашняя заварушка, я бы уже умирал от страха перед превращением.

Яичница, судя по количеству желтков, из девяти яиц таяла во рту. Никакой высокой кулинарии, но как смачно. Меня порадовали ветчиной, гренками, поджаренными кольцами лука, овощным салатом, запеченным картофелем, тремя огромными сардельками и соусами: чесночным, острым и томатным. Вдобавок задобрили свежесваренным кофе и ягодным компотом.

Очистив поднос, я отвалился на кровать и в блаженстве прикрыл глаза.

– Хорошая тюрьма, – пробормотал я, поворачиваясь на бок с уверенным решением подремать.

– Рад, что вам нравится. Но как я уже говорил, вы не заключенный, а гость.

Я не вскакивал и не пугался. Краем уха я слышал, как открылась дверь, но понадеялся, что, если притворюсь спящим, он уйдет. Нелепая детская надежда не сбылась.

– Поэтому, обращение соответствующее.

Я приоткрыл глаза.

– Я бы ещё немного отдохнул, – предложил я.

– Пожалуйста, как хотите, – согласился Евлампий. – Я зайду за вами после полудня. Верховный судья приглашает вас на обед.

– Я приду, – вяло пообещал я и зарылся в одеяло.

– Прекрасно, – ответил голем, закрывая дверь.

По идее, я должен был подняться и подготовить отчаянный побег, но проработка дерзких планов не мой конёк. Признаться, я и исполняю-то их, так себе, поэтому следую принципу, если хочется совершить что-нибудь отчаянное, ляг, полежи и желание само пройдет. Так я и поступил, перевернулся на бок и уснул.

Встал, правда, самостоятельно. Справил надобности, умылся. Пригладил растрёпанные волосы и, как послушный мальчик, присел на край кровати, дожидаясь провожатого. Несмотря на обильный завтрак, я снова хотел есть.

Голем прибыл через несколько минут, будто почуяв мой голод. Вежливо поклонился, пропуская в распахнутую дверь. Я задрал нос выше головы и прошествовал в коридор. Евлампий махнул направо, добавив:

– Здесь недалеко, идите вперёд. Я предупрежу, если надо будет повернуть.

Я кивнул. Как приятно. Со мной еще никогда так не обращались.

– Вас ждет потрясающий обед, – пообещал голем. – Верховный судья большой поклонник кулинарных изысков. А сегодня в вашу честь приготовили нечто особенное!

Я опять небрежно махнул головой, будто в мою честь всё время устраивают званые обеды. К хорошему быстро привыкаешь.

– Налево!

Одинаковые коридоры отличаясь только цветом прожилок в серых камнях. Он менялся от салатого до оранжевого. Без указаний Евлампия я бы заблудился через две минуты.

– Единственное о чём я должен предупредить, – не унимался голем. – В Тринадцатом Тёмном Объединенном мире крайне серьёзно блюдут традиции. Приглашенный не может отказаться опробовать блюдо, а должен съесть как можно больше угощений. Так он выказывает глубокое уважение хозяину.

– С этим проблем не возникнет, – уверенно заметил я.

– Я так и думал, – ответил Евлампий.

На мгновение мне показалось, что он издевается. Я даже обернулся, пытаясь увидеть выражение его лица, но какие эмоции разглядишь на булыжнике.

– Почти на месте, – подсказал голем. – Вам направо.

Я повернул. Мы прошли под вырубленную в скале арку и через открытые ворота с резными ящерками, сверкающими изумрудными глазами, в пещеру. С двух сторон от входа возвышались огромные толстоногие грибы с аппетитными бурыми шляпками. Они росли ровными рядами будто деревья в фруктовом саду. За ними проход раздваивался, двумя пролетами витой лестницы сбегая вниз. Я встал у балюстрады, положил руки на холодные мраморные перила и поражённо уставился на освещённую малахитовыми кристаллами пещеру. Они свисали с потолка и покрывали стены. Их холодное мертвенное сияние озаряло оскаленную каменную пасть неведомого чудища на противоположной стене. Между клыков прорывалась вода, мелодичным журчанием наполняя гулкую тишину. Перед источником на террасе за длинным столом уже сидел хозяин.

Не знаю почему, но я ожидал увидеть ещё одного голема. Не уверен, едят ли каменные создания, скорее всего пища им не нужна, но я почему-то всё равно ждал кого-то похожего на Евлампия. Вот только за дальним концом стола восседал бородатый ящер с огненно-рыжими волосами.

Я замер.

– Проходите, дорогой гость, присаживайтесь, – пророкотала ржавая рептилия мужественным басом. – А ты чего замер каменный остолоп, убирайся, тебя вызовут.

Я удивленно оглянулся на поникшего голема. Он незаметно махнул рукой, призывая меня быстрее спускаться, и вернулся под арку.

– Спасибо, – громко ответил я хозяину, сбежал по лестнице и быстро забрался на стул.

Обедать с саламандрой для меня в новинку. А то, что передо мной именно он, сомнений не было. Среди рептилий разумом обладали только саламандры. После прокола с троллем, я пересмотрел отношение к бестиарию.

– Пусть начнется пир! – возвестил рыжий ящер и ожидающе уставился на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.